

Л. И. [=Евдоким (Мещерский), архим.] О христианском браке:
(По поводу современных толков в печати о браке и безбрачии) //
Богословский вестник 1900. Т. 1. № 2. С. 299–348 (2-я пагин.).

О ХРИСТИАНСКОМЪ БРАКѢ.

(По поводу современныхъ толковъ въ печати о бракѣ и безбрачіи).

I.

Недавно я прочиталъ небольшую замѣтку о новомъ обширномъ романѣ Э. Золя—*Fecondite*. Романъ написанъ на живую и чрезвычайно важную современную тему о бракѣ. Нѣть нужды много говорить о томъ, какими часто крупными недостатками отличается въ настоящіе дни семейная жизнь вездѣ и особенно во Франції. Французскіе писатели нерѣдко, подобно библейскимъ обличителямъ, вскрываютъ смертельный раны современного общества. Не чернила, а трупный ядъ иногда течетъ съ ихъ пера. Но, ни Додэ, ни Мопасанъ, ни другіе выдающіеся французскіе бытописатели, кажется, не раскрывали столь черной язвы, столь глубокаго недуга, какъ это сдѣлалъ Золя въ романѣ *Fecondite*. По свидѣтельству Золя, огромное большинство мужчинъ и женщинъ въ настоящее время занимаются систематическимъ человѣкоубийствомъ, самымъ позорнымъ истреблениемъ своихъ дѣтей. Авторъ указываетъ безконечный рядъ семей лѣтоистребителей, отказывающихся отъ дѣворожденія и губящихъ самыми гнусными средствами свое здоровье—физическое и духовное. Богачи истребляютъ въ себѣ возможности имѣть дѣтей, чтобы оставить все свое громадное имѣніе одному сыну или одной дочери. У богача Божена одинъ сынъ, котораго онъ готовитъ въ наследники своей фабрики. Сегоны, имѣя двухъ дѣтей, проповѣдуетъ пессимистическія ученія о необходимости вымирания человѣческаго рода для прекращенія страданій. Моранжъ не хочетъ новыхъ членовъ

семьи, такъ какъ мечтаеть скопить для единственной своей дочери громадное приданое, чтобы выдать ее за человѣка, принадлежащаго къ болѣе высокому кругу общества. Счастливые молодые супруги откладываютъ возможность имѣть дѣтей до пожилого возраста. Люди менѣе обеспеченныя стремятся къ тому же, чтобы зароботать обильный кусокъ хлѣба,— бѣдные, чтобы успѣшнѣе бороться съ бѣдностью. Честному, но бѣдному супругу Матье, чтобы не имѣть болѣе дѣтей и не впасть еще въ большую бѣдность, совѣтуютъ, не порывая семейныхъ узъ, вступить въ незаконную связь.

Замѣчается какое-то сумасшедшее отвращеніе къ дѣтямъ. Взрослое поколѣніе объявляеть войну своимъ наслѣдникамъ. Оно подстерегаетъ ихъ появленіе на свѣтѣ, убивая какъ какихъ-то гадкихъ насѣкомыхъ, и одиночное предается распущенной жизни, которая вслѣдствіе безплодія получаетъ видъ добродѣтели. Въ Парижѣ насчитываютъ, по словамъ Золя, до сорока тысячъ женщинъ, которая сдѣлали себя неспособными къ дѣторожденію, а во всей Франціи число ихъ достигаетъ пяти сотъ тысячъ. Полмилліона уродовъ! Официально установлено, что ежегодно двадцать тысячъ новорожденныхъ младенцевъ вывозятся изъ одного Парижа особыми „промышленниками“ и исчезаютъ безслѣдно. Въ одно столѣтіе ихъ умерло 17 милліоновъ. По клоакамъ Парижа постоянно текутъ дѣтскіе трупики... Такъ бросается въ зловонную грязь то драгоценное, чего нѣть дороже подъ солнцемъ—живая жизнь. Къ такимъ крайне печальнымъ и невозможно прискорбнымъ результатамъ приводить многихъ современныхъ людей превратное пониманіе задачъ семейной жизни ¹⁾.

Если положеніе вещей въ недалекомъ будущемъ не измѣнится къ лучшему, то много великихъ страданій выпадетъ на долю всего человѣчества. И это вполнѣ справедливо. Не нужно быть прорицателемъ, чтобы предсказать это. Въ самомъ дѣлѣ, если идея безплодія и страха имѣть потомство, если уклоненіе отъ дѣйствительной семейной жизни, какъ опредѣляется ее христіанство, распространится между людьми до тѣхъ чудовищныхъ размѣровъ, какіе рисуетъ предъ нами

¹⁾ Ср. М. О. Меньшиковъ. Нашествіе дикарей. Стр. 170—171. (Нед. № 12, 99 г.). Красновъ. Увеличеніе семьи. Стр. 204. (Нед. № 11, 99 г.).

въ ужасныхъ картинахъ въ своемъ романѣ Зола, то что иное ожидаетъ въ будущемъ человѣчество, какъ не эта страшная и грозная участъ? Природа не мѣняется своихъ законовъ; она жестоко караетъ всякаго, кто рѣшается уклоняться отъ ея вѣчныхъ предначертаній. Въ борьбѣ съ пею въ данномъ случаѣ все безсильно: и просвѣщеніе, и знатность, и богатство, и могущество, безсильны и цѣлые могущественные народы. Поэтому авторъ разсматриваемой нами замѣтки совершенно справедливо считаетъ лучшими и замѣчательными страницами въ романѣ Зола тѣ, на которыхъ онъ блестящe, талантливо, увлекательно, съ цѣллю благотворно иовліять на современныхъ людей, доказываетъ всю гибельность принципа подобнаго безбрачія и весь ужасъ, рождающийся неизбѣжно изъ жизни холостяковъ, а еще болѣе изъ позорной и грязной жизни полусупруговъ. „Великіе практики евреи,—говорить онъ,—и до сихъ поръ понимаютъ это превосходно и потому изъ всѣхъ народовъ они самый сильный по витализму, самый устойчивый, какъ раса, и которому болѣе, чѣмъ кому-либо иному, обеспечить успѣхъ въ борьбѣ за свою личность. Эти евреи не боятся заставлять вступать въ бракъ даже нищихъ, состоящихъ на иждивеніи общинъ, требуя отъ семей непремѣнно потомства и чѣмъ большаго, тѣмъ лучше, видѣть въ дѣтяхъ благословеніе Божie. Параллельно этой положительной сторонѣ задачи, отрицательно они всѣми силами не допускаютъ среди своихъ вѣрныхъ проституціи и разврата, охотно предоставляя то и другое всѣмъ прочимъ національностямъ и народамъ земли. И великая скрыта въ этомъ мудрость, и великая кроется въ этомъ правда!“ ¹⁾ Все это прекрасно и дѣлаетъ честь автору, такъ горячо защищающему постепенно упадающую и разлагающуюся семью. Дѣйствительно, семья имѣеть безпримѣрно громадное значеніе въ жизни всего человѣчества. „Если супружескія отношенія въ порядкѣ, то и дѣти воспитываются хорошо, и слуги благочинны, и соѣди, и друзья, и сродники радуются, всѣмъ пріятно ихъ счастіе, какъ иѣкое благодѣяніе. Если же гдѣ бываетъ напротивъ, то тамъ во всемъ беспорядокъ и замѣшательство“,—говорить Злато-

¹⁾) А-мъ. Жестокая дилемма. Нов. Время № 8550. 99 г.

устъ¹⁾). Еп. Мартенсъ пишетъ: „семейство и церковь, въ своей глубочайшей основѣ суть поддерживающіе и сохраняющіе круги жизни въ предѣлахъ нравственнаго міра. Чрезъ нихъ только посредство въ глубинѣ душъ основываются и созидаются авторитетъ и свобода, авторитетъ и послушаніе, авторитетъ и благочестіе, самоотверженная любовь и вѣрность, эти главныя основы нравственнаго міра. Борьба за отечество издавна называлась борьбой за алтарь и очагъ. Каждое обновленіе народной жизни, каждая, коренная реформа должна главнымъ образомъ исходить изъ этихъ двухъ круговъ“. Въ семъ заключается и возможность возсозданія всякаго разлагающагося общества, и цѣлаго народа²⁾). Внесите только „мечъ и раздѣленіе въ семью“, и вы превратите землю въ хаосъ, зальете ее кровью и грязью,—совершенно справедливо говорить В. Розановъ.

Но въ дальнѣйшихъ строкахъ разматриваемой замѣтки мы встрѣчаемъ вѣчно чрезвычайно странное и неожиданное. Нашъ авторъ пишетъ: „имѣеть ли право человѣчество жить земною жизнью для славы Божіей и для собственнаго совершенствованія какъ въ духѣ, такъ и во плоти? Если получится отвѣтъ утвердительный, то дѣятельность всѣхъ стоящихъ за семью, за плодородіе, за спокойствіе въ работѣ человѣческой будетъ благословенна. Если же иѣть, какъ то думаютъ аскеты и фарисеи, сами поживши достаточно и другимъ жить мышающіе, ну тогда и эти попытки сохранить жизнь человѣчества будутъ сочтены преступной ересью, по ипо счастью не на долго, потому что именно здѣсь борьба и торжество побѣдителей кончится тѣмъ скорѣе, чѣмъ самая побѣда будетъ закопченной и совершенной. Уничтожьте плодородіе женщины, уничтожится актъ дѣторожденія. Не львамъ же и тиграмъ, которые являются пожрать послѣднихъ праведниковъ аскетической догмы, праздновать ихъ нравственную побѣду? Я, принадлежа по духу и по совѣсти къ прозелитамъ г. Розанова, являясь глубоко убѣжденнымъ, что Богъ не хотѣлъ создавать что бы то ни было безнравственное, а тѣмъ болѣе повелѣвая человѣку множиться и плодиться, не могу не напомнить о томъ тѣмъ страннымъ людямъ,

¹⁾ *Іоаннъ Златоустъ*. Бес. на посл. къ Ефес. гл. 5, ст. 22—23.

²⁾ Г. Мартенсъ. Христ. учение о нравственности, Т. 2, стр. 440—441.

которые, обязанные сами жизнью честной матери, являются острими врагами жизни и сокращают человѣческое плодородіе въ интересахъ хищныхъ животныхъ на землѣ. Я думаю, что часть суда надъ ними Великой любви и Безмѣрного милосердія, просиявшаго намъ съ креста Голгофы, Все-могущій можетъ избрать ежеминутно, не ожидая пожранія хищниками послѣдняго человѣка. Это тайна намъ не открытая, но обѣщанная. А потому, пока въ нась дрожать жизненные силы, пока мы цѣпляемся за жизнь и дорожимъ ею, мы не имѣемъ права сознательно уступать хоть мгну жизни торжеству смерти, которое и кроется во всякихъ скопческихъ и иныхъ аскетическихъ ученіяхъ. Земля скрывается и поглощаетъ жертву смерти, бездушный трупъ, но чрезъ женщину жизни возвращается умершій въ видѣ сильного и здороваго младенца и пока послѣднее торжество жизни большие количественно и качественно жертвъ смерти, до тѣхъ поръ, конечно, если увеличивается численіо христіанское населеніе земли, и великая догма любви, мира и всецирошенія несомнѣнно является также торжествующей. Но надо, чтобы живущіе были здоровы, были мужественны и смѣло смотрѣли въ лицо неизбѣжной смерти, зная, что жизнь попираеть смерть смертью же. Изъ мертваго родится лучшее живое и потому тотъ, кто не плодородѣть, тотъ, кто не оставляетъ послѣ себя потомства здороваго, грабить жизни, какъ не честный гражданинъ своего государства, не честный членъ своего отечества. И потому тотъ, кто стоитъ за честную и здоровую семью, тотъ стоитъ и за дѣло жизни, за дѣло, выше котораго нѣтъ, не было и не будетъ на грѣшной землѣ“¹⁾.

Не безъ интереса я прочиталъ эти пламенныя строки, дышащиа неподѣльнымъ чувствомъ негодованія на „праведниковъ аскетической догмы“, этихъ „острыхъ враговъ жизни“, которые „сокращаютъ человѣческое плодородіе въ интересахъ хищныхъ животныхъ“, изъ которыхъ каждый „грабить жизнь, какъ не честный сотрудникъ, какъ не честный гражданинъ своего государства“, надъ которыми „ежеминутно“ можетъ совершить Господь свой строгій судъ, „не ожидая пожранія хищниками послѣдняго человѣка“... Пробѣжалъ эту замѣтку, я невольно вспомнилъ цѣлый рядъ подобныхъ же

¹⁾ А-тѣ. Цит. соч.

статей, разсѣянныхъ въ различныхъ изданіяхъ. Оказывается, у насъ теперь уже существуетъ почти цѣлая литература по вопросу о бракѣ и безбрачіи и не одна жгучая статья посвящена „острымъ врагамъ жизни“, которые какъ будто бы поставили задачею своей жизни и дѣятельности погасить свѣтъ семнайной жизни. Я рѣшилъ собрать всѣ эти статьи, въ немногихъ словахъ изложить сущность ихъ и дать посильный отвѣтъ на иѣкоторые вопросы, столь живо интересующіе многихъ. Читая мои строки, пусть каждый самъ судить, кто правъ и кто неправъ въ этой интересной полемикѣ.

Сиѣшь оговориться. Во—первыхъ, я не собираюсь написать цѣлаго обширнаго трактата по вопросу о бракѣ. Вопросъ о бракѣ, поднятый въ современной литературѣ, весьма сложный. Всякій, кто берется за рѣшеніе его, невольно падалкивается па цѣлый длинній рядъ вопросовъ и важныхъ, и серьезныхъ, и трудно рѣшимыхъ. При разсужденіи о бракѣ возникаетъ вопросъ о сущности брака, важности и значеніи его, объ освященіи брака церковю, о причинахъ развода, объ отношеніи родителей къ дѣтямъ, о соціальномъ и экономическомъ положеніи семьи, о незаконорожденныхъ дѣтяхъ, о налогѣ на холостяковъ, объ обязательности для всѣхъ брачной жизни, о домахъ терпимости и т. д. Почти всѣ эти вопросы затронуты въ статьяхъ, подлежащихъ нашему вниманію и разбору, и почти на каждый изъ нихъ даѣтъ соответствующій отвѣтъ. Размѣры журнальной статьи не позволяютъ намъ остановить вниманіе читателей на рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ. Для этого намъ потребовалось бы написать, кажется, цѣлый большой томъ. Поэтому мы установимъ вниманіе читателей на рѣшеніи только иѣкоторыхъ вопросовъ, изъ которыхъ объ однихъ стѣлаемъ лишь сравнительно бѣглую замѣчанія, а другія разберемъ болѣе подробно и основательно. Во—вторыхъ, я пишу не ради полемического задора, не какъ обиженный и униженный человѣкъ, а лишь для выясненія дѣла. Заявляю откровенно, я весьма цѣлю свободу мысли и убѣждений, въ какой бы формѣ онѣ не высказывались, и съ любовью отношусь ко всѣмъ литературнымъ противникамъ. По моему мнѣнію, ко всѣмъ подобнымъ произведеніямъ, касающимся рѣшенія вопросовъ церковно-бытоваго уклада нашей жизни, нужно относиться

съ особеннымъ вниманиемъ и не угаивать „льна курящагося“. Истини не боится свѣта. „Если сіе предирягіе и сіе дѣло отъ человѣковъ, то оно разрушится“. (Дѣян. 5, 38). Нельзя скрыть того, что церковные вопросы мало интересуютъ наше интеллигентное общество. О многомъ самомъ важномъ и главномъ въ жизни христіанина оно или совершиенно ничего не знаетъ или знаетъ только немногое и притомъ болѣею частю по слухамъ. Одинъ архинастырь, самъ вышедший изъ среды этого общества, въ одномъ своемъ сочиненіи пишетъ: „если у насъ что знаютъ въ православіи, то скорѣе обряды: знаютъ что преждеосвященная литургія служится великимъ постомъ, что митрополиты носятъ бѣлые клобуки, что въ Преображеніе освящаются яблоки, что по средамъ и пятницамъ полагается поститься. Но духа-то православія, духа церкви, поненія въ душѣ своей истинѣ откровенія о небесномъ домостроительствѣ, вотъ чого мы лишены“.. Позволяло ли общество раскрывать духъ православія своимъ дѣтямъ? Много ли видятъ священника воспитывающіеся? А если видятъ, то не родители ли держать священника въ рамкахъ требоисправителя, не пуская его дѣлѣе моленій и столовъ? „Общество почтительно выпроводило, выкурило духъ церкви, духъ православія изъ своего быта, загнало его въ алтарь и на наперть, гдѣ молятся простолюдинамъ“¹⁾). Вотъ почему я сказалъ, необходимо съ болѣшимъ вниманиемъ и сочувствіемъ относиться къ статьямъ свѣтскихъ писателей по церковнымъ вопросамъ. Пусть обсуждаются эти вопросы. Пусть они станутъ внутреннимъ, неотъемлемымъ, священнымъ достояніемъ, плотью и кровью каждого. Пусть слово Христово „богатио“ вселяется въ каждого изъ настъ, освѣщаючи чистымъ, яркимъ свѣтомъ наше жизненное иуть.

II.

Знаете ли вы, наприм., читатель, въ чемъ заключается сущность брачной жизни, что составляетъ ея основу, самый жизненный первъ, на чёмъ она единственно и всецѣло корениится и зиждется, начиная отъ вѣнца и до гробовой доски? Вѣроятно, не знаете, хотя бы вы прожили много

¹⁾) *Архим. Антоній.* Бес. о превосх. православиа. поим. Евангелія сравнил. съ учен. Л. Толетого Стр. 47—48. СПБ. Изд. 2-е, 1891 г.

лѣтъ семеиною жизнію, успѣтии справить не только свою серебряную свадьбу, но даже и золотую. Вотъ ся единственное основаніе—*страсті*. „Животнымъ Богъ далъ ищеникъ, т. е. иѣкоторый виѣши ими управляющій разумъ, разумъ, наложенный на нихъ какъ фатумъ, какъ рокъ, который ихъ спасаетъ, мудро ведеть отъ рожденія до смерти и не даетъ имъ ни вырваться изъ-подъ себя, ни уклониться въ сторону. Въ человѣкѣ ищеникъ въ смыслѣ этого виѣши наложенаго разума—ничтоженіе. Ему даны страсти, манифестаціи которыхъ бывають иногда ужасны, но и достигаютъ въ другихъ случаихъ такой трогательности и иѣжности, какія роднятъ человѣка съ Богомъ. Беатриче, которая ведетъ Данте чрезъ чистилище въ рай—какая идея, какой тенізмъ идеи! Какъ уже это близко къ религії! „Изъять страсти изъ семьи—это значитъ не начать семьи; мысленно или въ законѣ изъять ихъ изъ семьи—значить не дать даже семью возникнуть. Страсти суть динамическое, зиждущее и вмѣстѣ материальное условіе семьи, „порохъ“, безъ котораго не бываетъ выстрѣла. Не безъ улыбки и недоумѣнія я читалъ иногда, что причина необыкновенной разрушенности семьи въ наше время лежитъ въ силыгѣйшемъ дѣйствіи и притомъ разнозданыхъ страстей. „Если бы не страсти, семья бы успокоилась“. Я думаю, „если бы не страсти“—семья скорѣе не началась бы.... Семья есть институтъ совершенно ирраціональный, мистический. Поэтому совершенно напрасна борьба въ ней противъ страстей; напрасна и даже неправа. Разуму, какъ и всякому закону, страсть можетъ отвѣтить просто: „я здѣсь образую все—и я господствую. Семья есть мой домъ и именно сотканный мною. Безъ меня ни законъ, ни разумъ семьи не создастъ. Вотъ почему, когда я рушу семью, я рушу свое созданіе, издѣліе внутренностей моихъ. Мнѣ больно отъ этого, чѣмъ всякому закону, всякому разуму; безъ крова, подъ небомъ теперь—я, и передъ вѣроятною гибеллю. Кромѣ того, изслѣдуйте меня и вы убѣдитесь, что не безъ причины я тку такое благородное и иѣжное существо, какъ семья... Самая природа моя и происхожденіе мое благородны, какъ и постоянный мой уклонъ. Я есмь идеалъ въ томъ смыслѣ, что непрерывно стремлюсь къ идеальному, и именно въ значеніи непорочнаго. И если я ухожу, не объясняя никому причинъ, изъ семьи, знайте, что я

именно ухожу изъ семьи уже порочной, и съ надеждой и усилиемъ на мѣстѣ ея соткать другую и именно непорочную семью; неправильно родивъ, я усиливаюсь къ новымъ родамъ, оплакавъ трупъ неудавшагося младенца. Непремѣнно и безусловно грѣхъ палъ уже въ составляемую семью. Это нельзя доказать, именно потому, что семья вся соткана изъ субъективизма, изъ неуловимаго и мистического. Но что нѣтъ безгрѣшной, праведной семьи, которая распадалась бы,— этому можно даже повѣрить. И это все, что нужно, чтобы разуму понять единственную роль, какую онъ можетъ здѣсь выполнить. Мы сказали, что непорочная семья есть величайшій идеалъ въ смыслѣ соціального строительства; но разумъ построить ее не тогда, когда „запретить страсти“, „вытрезвѣть“ ихъ, какъ резина стираеть карандашъ; тогда ничего не будетъ, не будетъ семьи. Да и не въ правѣ онъ, пассивный регуляторъ, бороться противъ образователя и материіи семьи. Но онъ можетъ все устроить, ставъ на скромное мѣсто мудраго аналитика, изслѣдователя, пособника. Онъ не умѣть здѣсь рождать; по какъ искуссенный акушеръ, онъ можетъ помочь родиться... Замѣчательно ограниченнайа роль разума въ семье. Семью нельзя раціонально построить. Наблюдали ли вы, какъ иногда образованнѣи и разсудительнѣи супруги, притомъ писколько незапальчивые, бываютъ глубоко несчастны и, пробившись двадцать лѣтъ, къ „серебряной свадѣбѣ“ расходятся окончательно. Я зналь жену одного образованнѣя профессора, почти столь же учennу, какъ онъ самъ, которая именно къ серебряной свадѣбѣ поклонилась. Она истощилась въ скукѣ; такъ какъ бѣжать ей не могло прийти въ голову, да было уже и поздно, то она сошла съ ума. Каменное террафіе лопается. И это случается съ философами, писателями, иногда со священниками. А между тѣмъ Афанасій Ивановичъ и Цульхерья Ивановна были такъ счастливы. Они не „умѣли“ быть счастливы, а были счастливы, между тѣмъ какъ профессора умѣютъ быть счастливы, но не „суть“ счастливы¹⁾.

Вотъ взглянуть на сущность брака, изложенный мною словами самого автора этого взгляда; вотъ послѣднее слово текущей литературы по вопросу о бракѣ. Итакъ, „семья ин-

¹⁾ В. Розановъ. О непорочной семье и ея главномъ условіи. (Нов. Вр. 1899 г., № 8481.)

ститутъ ирраціональный; роль разума въ семье замѣчательно ограничена. Внѣдущее здѣсь страсти. Это порохъ, безъ котораго не бываетъ выстрѣла. Если бы не страсти, семья никогда не началась бы. Поэтому борьба противъ страстей совершение напрасна и неправа. Я читаю съ улыбкой разсужденія, что причина необыкновенности семьи въ наше время лежитъ въ сильномъ дѣйствіи и притомъ разнозданихъ страстей "... И дѣйствительно, разуму нѣть мѣста тамъ, гдѣ такое важное значеніе имѣютъ страсти, потому что страсти и разумъ взаимно исключаютъ другъ друга. Разумная страсть—это нѣчто въ родѣ холодного огня, горячаго льда, свѣтлой тьмы и т. п. Если страсть подчиняется мудрому водительству разума, то она уже не страсть, а разумное чувство... Положивши страсти въ основу брака, авторъ стремится согласовать свободу страсти не только съ бракомъ, но и отстоять еще христіанское учение о бракѣ и даже возвысить и очистить его. Справедливъ ли этотъ взглядъ на сущность брака,—взглядъ, уже усвоенный нѣкоторыми, а можетъ быть даже и многими?

III.

По многимъ причинамъ я не буду много говорить самъ объ этомъ постыдиемъ словѣ нашей свѣтской литературы по вопросу о бракѣ, а предоставлю слово другимъ. Но это слово далеко будетъ не въ пользу новыхъ взглядовъ на бракъ. И слово Откровенія, и творенія великихъ настырей Христовой церкви, этихъ вѣриныхъ хранителей и истолкователей богооткровенной истины, и писанія христіанскихъ инсателей, и здравый разумъ, и ежедневная жизнь убѣдительно и краснорѣчино говорятъ, что не тамъ нужно искать въ семье счастья, гдѣ такъ часто его ищутъ. Не въ страсти заключается основа, сущность, душа, самый жизненный первъ брака. Не страсти силенъ бракъ, не въ страстяхъ его глубокій смыслъ и значеніе, не въ господствѣ страстей вся его прелестъ. Страсти не созидаются, а разрушаютъ бракъ. И эти слова не съ улыбкой надо читать, а съ вѣрой, радостью и восторгомъ, потому что они заключаютъ въ себѣ великую истину и залогъ семейного счастія. Не только христіанство, но и простой здравый разумъ не санкционируютъ страстей; христіанство и здравый разумъ осуждаютъ ихъ. Для христіанства нѣть страстей—

ни добрыхъ, ни благородныхъ, ни благотворительныхъ, ни зиждительныхъ. всякая страсть для него есть только зло и грѣхъ, потому что всякая страсть ослѣпляетъ разумъ человѣка, порабощаетъ его волю, погружаетъ духъ въ матерію, угашаетъ въ немъ свѣтѣніе духовнаго свѣтильника и дѣлаетъ свободнаго сына Божія своимъ рабомъ (Іоан. 8, 34). Христіанство есть религія высочайшей свободы, т. е. свободы человѣка отъ всѣхъ страстей. А эта страсть создаетъ надъ личностью человѣка почти непреоборимую власть начала стихійного, которое къ тому же соединено еще съ однимъ изъ наслажденій для человѣка. Христіанство учитъ о высокомъ достоинствѣ человѣка, когда говоритъ, что онъ въ своемъ разумѣ и своей волѣ носитъ образъ Творца. Оно призываетъ его къ разумному, свободному, святому служенію Богу, въ состояніе Богочеловѣчества.

Какъ глубоко и жизненно правдиво опредѣляетъ бракъ св. церковь. Въ Катехизисѣ мы читаемъ: „бракъ есть таинство, въ которомъ, при свободномъ предъ священникомъ и церковью обѣданіи женихомъ и невѣстою взаимной имъ супружеской вѣрности, благословляется ихъ супружескій союзъ, во образъ духовнаго союза Христа съ церковью и испрашивается имъ благодать чистаго единодушія къ благословенному рожденію и христіанскому воспитанію дѣтей“¹⁾. Въ таинствѣ брака, по учению нашихъ лучшихъ догматистовъ, брачующимся подается „Божественная благодать, освящающая ихъ брачный союзъ, возвышающая его въ образъ духовнаго соединенія Христа съ церковью, и потомъ содѣйствующая имъ къ благословенному достиженію всѣхъ цѣлей брака“²⁾. Не иную мысль заключаютъ въ себѣ наши церковные каноны, когда въ нихъ идетъ рѣчь о сущности брака. Въ Кормчей³⁾ мы читаемъ: „бракъ есть мужа и жены союзъ, и общій жребій на всю жизнь, общеніе божественнаго и человѣческаго права“⁴⁾. „Бракъ состоитъ не

¹⁾ М. Филиаретъ. Простран. катехизисъ. Стр. 74.

²⁾ М. Макарій. Догм. Богословіе. Т. 5, стр. 11. Ср. Е. Сильвестръ. Догм. Богословіе. Т. 4, стр. 493 слн.

³⁾ Для ясности мы приводимъ эти статьи нашей Кормчей въ русскомъ переводе.

⁴⁾ Кормчая. Гл. 48, зак. гралск. гр. 4, ст. 1. Ср. М. Власітаръ. Синтагма. Стр. 103. Русск. пер. свящ. П. Ильинскаго. Симфероп. 1892 г. Est. раис.

въ томъ, чтобы мужъ и жена раздѣляли ложе между со-
бою, но въ супружескомъ ихъ согласіи¹⁾). Такимъ образомъ
бракъ заключается не въ раздѣлениіи супругами ложа, а
главнымъ образомъ въ полномъ и неразрывномъ общеніи
всѣхъ жизненныхъ отношеній между супругами (*συχλήρωσις*
πλάσης τῆς ζωῆς), въ полномъ супружескомъ согласіи и, въ
частности, въ общеніи религіи и права (*Θείου τε καὶ ἀγροφο-
πίου δικαίου κοινωνία*). Характерно и замѣчательно въ дан-
номъ случаѣ и следующее. Если надѣ имѣющими всту-
пить въ бракъ совершено таинство брака, согласно со всѣми су-
ществующими на этотъ предметъ церковными мудрыми уза-
коненіями, то по нашимъ канонамъ бракъ считается дѣй-
ствительнымъ и фактически совершившимся, хотя бы брач-
ная жизнь послѣ этого никогда не начиналась. И не всту-
пая въ эти отношенія, сочетавшіеся считаются мужемъ и
женою. Исторія указываетъ намъ не мало подобныхъ при-
мѣровъ. Но никогда брака не бываетъ тамъ, гдѣ эти цер-
ковно-каноническія узаконенія не примѣняются. Одна страсть,
какими бы колоссальными размѣрами она не отличалась,
никогда не составить, не „образуетъ“ брака. Страсть вовле-
четь только человѣка въ паденіе, въ грѣхъ, грѣховое со-
стояніе. Тамъ, гдѣ господствуютъ только однѣ страсти, путь
брака, а есть одно лишь преступленіе или паденіе.

Этотъ высокий взглядъ церкви на христіанскій бракъ осно-
вывается, конечно, не на человѣческомъ какомъ-либо автори-
тетѣ, какимъ бы обаяніемъ и какою бы извѣстностью онъ
не отличался, а на ученіи богооткровенномъ, безмѣрию пре-
вышающемъ всякіе человѣческіе авторитеты. На самыхъ пер-
выхъ страницахъ Библіи мы уже читаемъ, что Богъ создать
жену для того, чтобы дать въ ней первозданному человѣку
„соответственнаго ему помощника“. (Быт. 2, 18). Мужъ и
жена такимъ образомъ представляются какъ двѣ такія части,
которыя равно, одинаково назначены къ осуществленію одного
цѣлого. „Не хороши быть человѣку одному“,—сказалъ Богъ.

mutat. Dig. XXIII, 2, 1, in Basil. lib. XXVIII, tit. IV, cap. 1; edit. Heimbach.
том. III, Lips. 1843, p. 166; Prochir. edit. Zachar. tit. IV, c. 1, p. 26; Pr. Nom.
Harmenop. lib. IV, tit. IV, § 1, p. 484.

¹⁾ *Коричная*. Гл. 48, зак. градск. гр. 4, ст. 17. Ср. *М. Властаръ*. Стр. 104.
Est ad verb. Dig. 50, 17, 30, in Basil. lib. 11, tit. 3, cap. 30, том. I, p. 67;
Pr. Zachar. Ibid. c. 17, p. 29; Pr. Nom. Harmenop. ibid. § 19, p. 490.

Первозданному человѣку нуженъ былъ „соответственныи“ ему помощникъ, такая же человѣческая личность, какою онъ былъ самъ,—существо, которое обладало бы силами и способностями, соответствующими тѣмъ, какія принадлежали ему. Такимъ образомъ существо брака, по самому происходженію его, представляется въ цѣльномъ и полномъ соединеніи двухъ личностей различного пола. Мужъ и жена оба вмѣстѣ должны составлять одно, какъ бы одну новую личность. Такимъ именно является, по изображенію Бытописателя, первый супружескій союзъ Адама и Евы. Бытописатель признаетъ этотъ союзъ настолько тѣснымъ, что при немъ даже священный союзъ родителей съ дѣтьми отступаетъ на второй планъ. (Быт. 2, 23—24). Замѣчательны въ данномъ случаѣ и тѣ строки Бытописателя, въ которыхъ мы читаемъ, что мужъ и жена должны составлять „одну плоть“ (Быт. 2, 24). Въ самомъ дѣлѣ, какъ много сказано въ столь немногихъ и простыхъ словахъ. Мужъ и жена должны составлять одинъ организмъ, одно существо, одного человѣка. Бракъ—не коммерческий союзъ, заключенный по какимъ-либо извѣстнымъ соображеніямъ, это—не контрактъ съ немногими строго опредѣленными условіями, это—не юридической какой-либо договоръ, опредѣляющій тѣ или другія обязанности и права человѣка. Въ томъ и другомъ случаѣ договаривающіяся стороны втѣшне соприкасаются другъ съ другомъ и притомъ въ очень немногихъ и незначительныхъ отпорошеніяхъ. Они обязаны исполнять только опредѣленное число параграфовъ изъ своей договорной грамоты: во всей же оставльной жизни, какова бы она ни была, они свободны и никаколько не отвѣчаютъ другъ за друга. Они могутъ быть совершенно чуждыми другъ другу, могутъ никогда въ жизни даже не встрѣчаться другъ съ другомъ. Бракъ христіанскій представляетъ собою также союзъ, но союзъ, въ которомъ должно быть сліяніе и соприосновеніе брачующихся не въ какомъ-либо одномъ, опредѣленномъ отношеніи, а во всѣхъ. Брачный союзъ обнимаетъ собою всего человѣка, а не одну лишь какую-либо сторону его существа. Тѣстивительнымъ бракъ можно считать лишь тогда, когда все элементы мужской и женской индивидуальности свободно, взаимно, всесторонне, органически сливаются во едино, восполняя другъ друга и образуя такой тѣсный гар-

моннический союзъ, что какъ будто бы это были уже не два различныхъ существа, а одно, „одна плоть“ (*μία σάρξ*), какъ будто бы уже было не двѣ души, а единая нераздѣльная душа, новая личность. Замѣчательно въ данномъ случаѣ и словоупотребленіе Бытописателя; онъ употребляетъ слово *σάρξ*, а греческое слово *σάρξ* означаетъ не тѣло только человѣка или плоть, а и его душу, всего человѣка, всю его духовную и физическую природу. Такимъ образомъ бракъ есть союзъ не однихъ линий тѣла, но и душъ человѣческихъ,— союзъ самый живой, тѣсный полныи и неизмѣнныи.

Но и при этомъ столь полномъ, тѣсномъ симпатиѣ, счастіе брака составляютъ всетаки не страсти. Какія чудныя, возвышенныя строки мы встрѣчаемъ въ данномъ случаѣ въ Св. Исаіїи. Здѣсь мы читаемъ: „славу мужу приобрѣтаетъ благонравная жена“ (Притч. 11, 16), „жена добродѣтельная—вѣнецъ мужа“ (—12, 4), „добрая жена—счастіе мужа“ (—18, 23. Ср. Сир. 25, 26). „Добродѣтельная жена—цѣнѣе жемчуговъ“ (Притч. 31, 10), „умная и добрая жена—драгоценнѣе золота“ (Сир. 7, 2). „Счастливъ мужъ доброй жены, и число дней его—сугубое. Жена добродѣтельная радуетъ мужа и гѣта его наполнитъ миромъ. Добрая жена—счастливая доля: она дается въ удѣль боящимся Господа. Съ нею у богатаго и бѣднаго—сердце довольное и лицо во всякое время веселое“. (Сир. 26, 1—4). „Любезность угодить ея мужу, и благоразуміе ея улучинть кости его. Кроткая жена—даръ Господа, и пѣть цѣны благовоспитанной душѣ. Благодать на благодать—жена стыдливая“. (—26—16—18). Она должна быть „цѣломудренной супругой“. (Притч. 15, 2). Вотъ чудная картина семейной счастливой жизни, начертанная искусною рукою иисателя-художника. „Кто найдеть добродѣтельную жену? цѣна ея выше жемчуговъ,увѣрено въ ней сердце ея мужа, и онъ не останется безъ прибытка, она воздастъ ему добромъ, а не зломъ, во весь дній жизни своей. Крѣость и красота—одежда ея, и весело она смотрить на будущее. Уста свои открываетъ съ мудростью, и краткое наставленіе на языкѣ ея. Ветаютъ дѣти и ублажаютъ ее, — мужъ, и хвалитъ ее. „Много было женъ добродѣльныхъ, но ты превзошла всѣхъ ихъ“. Миловидность обманчива и красота суетна: но жена, боящаяся Господа, достойна хвали. Даите ей отъ плода рукъ ея, и да прославятъ ее у воротъ

дѣла ея!“ (—31, 10 слл.). И наоборотъ, великое несчастіе для мужа жена, не отличающаяся подобными многоразличными добрыми качествами. Какими бы чудовищными страстями и физическими чарами она не отличалась, ея значеніе—ничто. „Позорная жена какъ гниль въ костяхъ мужа“. (Притч. 12, 4). „Лучше жить въ землѣ пустынной, нежели съ женой сварливой и сердитой“ (21, 19). „Лучше жить въ углу на кровлѣ, нежели съ сварливой женой въ пространномъ домѣ“. (—25, 24. Ср. Сир. 25, 21). Своему сыну мудрый и благожелательный отецъ дѣлаетъ такое наставленіе и увѣщаніе: „не внимай лѣстивой женщины“. (Притч. 5, 2). „Остерегай себя отъ негодной женщины, отъ лѣстиваго языка чужой“ (—6, 24). „Отвращай око твое отъ женщины благообразной и не за-сматривайся на чужую красоту. Многіе сорвутись съ пути чрезъ красоту женскую: отъ нея какъ огонь загорается любовь. Отнюдь не сиди съ женой замужнею и не оставайся съ нею на ину за виномъ, чтобы не склонилась къ неї душа твоя, и чтобы ты не попался духомъ въ погибель“. (Сир. 9, 8—11). Ветхій Завѣтъ, если такъ можно выразиться, не только не покровительствуетъ страстямъ, но и строго преслѣдує обнаруженіе ихъ всюду. Пусть увлеченіе достигнетъ самыхъ постыдныхъ предъловъ, пусть оно будетъ окрашено въ самыя яркія, чарующія, розовыя краски, пусть оно имѣть массу извиненій съ современной все прощающей точки зрѣнія,—это безразлично. Худо было тогда жить всѣмъ, которые были особенно внимательны къ страстямъ, „страстямъ и пороху“ которыхъ приходилось „сократить“ гдѣ-либо другую семью, „уйти“ изъ своей семьи на „страну далече“. Нарушивший супружескую вѣриность и чистоту брака (Чев. 20, 10—17 сл. Втор. 22, 22 сл. Ср. Иех. 20, 14, 17), опорочивший обрученню другому, несохранившая своего дѣства (Чев. 22, 21, 23—26),—вѣдь подлежали смерти. Однихъ побивали камнями предъ воротами города въ приеутствіи народа (Втор. 22, 23—23), другихъ предавали сожженію (Чев. 20, 14), третьихъ просто лишали жизни различными способами (Чев. 20, 13 и др.). Наказывать законъ и за другіе различные случаи фактическаго обнаруженія страсти (Втор. 22, 28—29 Ср. Иех. 22, 16—17 и др.), за которые нынѣ у насъ обыкновению смиренительно прощаются почти всѣхъ.

Въ Новомъ Завѣтѣ эта истина подтверждается еще боль-

шею силою и раскрывается съ большею ясностю и глубиною. Спаситель говорить, что даже одинъ взглѣдъ, брошенный на женщину „ко еже вождѣти ей“ (Мѳ. 5, 28), является уже преступленіемъ противъ седьмой заповѣди. Такъ глубоко возвыщенно, чисто, свято опредѣляются взаимныя отношенія мужчины и женщины. А св. Ап. Павелъ говоритъ: „мужья, любите своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ церковь и предать Себя за нее“ (Ефес. 5, 25). Каждая высокая, чистая, глубокая, всеобъемлющая любовь. „Хочешь, чтобы жена повиновалась тебѣ, какъ Христу повинуется церковь? Заботься же и самъ объ ней, какъ Христосъ о церкви. Хотя бы нужно было пожертвовать за нее жизнью, или потерпѣть и пострадать что бы то ни было, не отказывайся, но и хотя бы потерпѣть все это, не думай, что ты сделала что-нибудь подобное тому, что сделалъ Христосъ. Умѣй заставить ее быть тебѣ покорною твоимъ великимъ объ пей испечениемъ, любовю, дружбой. Нѣть узъ крѣпче этихъ, особенно для мужа и жены. Слугу можно иногда связать страхомъ; но спутницу жизни, мать дѣтей и виновницу всѣхъ семейныхъ радостей, нужно привязывать къ себѣ не страхомъ и угрозами, по любовю и расположенностю“ ¹⁾. „Такимъ образомъ Апостолъ предложилъ мужу и женѣ, какъ основаніе ихъ счастія, взаимную любовь и заботливость, указавъ каждому изъ нихъ то, что прилично“ ²⁾. Вотъ еще слово того же Апостола о томъ же: „такъ каждый изъ вѣсть да любитъ свою жену, какъ самого себя“ (Ефес. 5, 33). И изъ этихъ словъ непрекаемо ясно видно, что не за одно что-либо и не въ одномъ какомъ-либо отношеніи долженъ любить свою жену мужъ, а во всѣхъ. Опь долженъ любить ее, какъ любить самого себя и относиться къней, какъ относится къ самому себѣ. Въ другомъ мѣстѣ св. Апостолъ языковъ предостерегаетъ христіанъ отъ нарушенія святости брачаго союза, чтобы „брахъ у всѣхъ быть чистъ и ложе непорочно“ (Евр. 13, 4). Но его заповѣди, бракъ долженъ быть „точно о Господѣ“ (1 Кор. 7, 39). Фессалоникийскимъ христіанамъ онъ пишетъ: „чтобы (они) воздержались отъ блуда; чтобы каждый (изъ нихъ)

¹⁾ Іоаннъ Златоустъ. Бесъ на посл. къ Ефес. Гл. 5, ст. 25.

умѣль соблюдать свой сосудъ въ святости и чести, а не въ страсти похоти, какъ язычники, незнающіе Бога" (1 Фес. 4, 3—5). Колосскихъ христіанъ Апостолъ увѣщаваетъ: „умертвите земные члены ваши: блудъ, нечистоту, страсть, злую похоть" (Кол. 3, 5 Ср. Гал. 5, 19). Ефесскимъ христіанамъ заповѣдуется: „всякая нечистота не должна даже именоваться у васъ, какъ прилично святымъ". „Никакой блудникъ или нечистый... не имѣеть наслѣдія въ царствѣ Христа и Бога" (Ефес. 5, 3. 5. Ср. Гал. 5, 21; 1 Кор. 6, 9; Откр. 22, 15). Духовная, правственная сторона въ бракѣ, какъ главная, имѣеть такое большое значеніе, что, по Апостолу, „невѣрующей мужъ освящается женою вѣрющею, и жена невѣрующая освящается мужемъ вѣрюшимъ" (1 Кор. 7, 14). Величайшій новозавѣтный пророкъ, провозвѣстникъ и истолкователь любви, великий дѣвственникъ, св. Ап. Евангелистъ Иоаннъ, желая изобразить красоту и радости праведниковъ въ новомъ небесномъ Іерусалимѣ, сходящемъ на землю, говоритъ: онъ „уготованъ какъ невѣста, украшенная для мужа своего" (Откр. 21, 2). Несомнѣнно Библія, чтобы возвысить нашъ духъ, поработленный плотю, даже о предметахъ чувственныхъ разсуждастъ духовно и потому чувства взаимной супружеской любви понимаетъ не столько въ смыслѣ обычныхъ плотскихъ удовольствій, сколько во взаимномъ наслажденіи супруговъ ихъ духовными совершенствами и нравственными красотами.

IV.

Не иначе смотрѣла на бракъ церковь и во всѣ послѣдующія времена. У христіанскихъ писателей мы встрѣчаемъ вѣсма много самыхъ возвышенныхъ строкъ о чистотѣ, святости и высотѣ брака, но ни слова—о господствѣ страстей. Св. Игнатій Богоносецъ пишетъ: „подобаетъ женящимся и выходящимъ за мужъ, чтобы союзъ ихъ совершался по благословенію епископа,—да будетъ бракъ о Господѣ, а не по вожделѣнію"¹⁾. Тертулліанъ говорить: „какъ я могу описать счастіе моего брака, который церковь утверждаетъ, жертва скрѣпляетъ, благословеніе запечатлѣваетъ, ангелы

¹⁾ *S. Ignat. Epist. ad Polycarp. n. 6.*

возвѣщаютъ, Отецъ утверждаетъ¹⁾). Климентъ Александрийскій, опровергая еретиковъ, не разъ также пишать о высокомъ значеніи и святости христіанскаго брака. Но его учению, „бракъ должно сохранять отъ всего оскверняющаго, какъ священный предметъ“²⁾. Замѣчателенъ взглядъ на бракъ и св. Кирилла Іерусалимскаго. „Да пребудутъ въ благой надеждѣ брачные,—говорить онъ,—кои живуть какъ должно въ бракѣ, кои вступаютъ въ бракъ по закону, а не по любострастію, стѣдя необузданной волѣ; кои знаютъ время воздержанія, дабы свободно заняться молитвой; кои въ церковныхъ собраніяхъ съ чистыми одеждами имѣютъ и чистыя тѣла; кои вступили въ бракъ для дѣторожденія, а не по любострастію“³⁾. Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: „не этимъ (т. е. не шумными торжествами, сопровождающими заключеніе брака) совершаются законный бракъ, но тѣмъ, если супружеское соединеніе бываетъ по законамъ, цѣломудрено и благопристойно, и если сочетавшіеся связуются другъ съ другомъ взаимнымъ согласіемъ. Это знаютъ и вѣщіе законы. Послушай, что говорятъ свѣдунціе въ немъ люди: „бракъ составляется не инымъ чѣмъ, какъ согласіемъ (*συγκριθεια*)“⁴⁾. Союзъ супружества,—говорить въ другомъ мѣстѣ онъ,—заключается чрезъ молитвы и благословенія, „чтобы умножалась любовь жениха и сохранялось цѣломудріе невѣсты, а всего болѣе, чтобы въ домѣ тотъ вошли дѣла добродѣтели и изгнанія были изъ него всѣ коварства діавола, и чтобы они (супруги), соединяемые благодатію Божіею, провождали жизнь пріятную“⁵⁾. Объясненія слова Апостола „тайна сія велика“, Златоустъ говоритъ: „истинно это тайна, и тайна великая, ибо мужъ, оставивъ отца, который его родилъ, воиниатъ, и мать, которая рождала его въ болѣзни, оставивъ обоихъ, съ которыми жилъ вмѣстѣ и смылся, прилагается къ той, которую не видѣть, и предпочитаетъ ее всѣмъ“⁶⁾. Этими словами онъ ясно даетъ видѣть, что Писаніе раз-

¹⁾ *Tertullian. De Monogamia. Lib. II, cap. 9.*

²⁾ *Clem. Alex. Strom. Lib. IV, c. 23, p. 1096; III, cap. 6, p. 1152; III cap. 12, p. 1185.*

³⁾ Св. Кириллъ Іерусал. Огласит. поуч. Стр. 74—75.

⁴⁾ *S. Chrysostom. In Genes. c. 29, homil. 56.*

⁵⁾ *Ibid. Cap. XLVIII, n. 6.*

⁶⁾ *Ibid. Epist. ad Ephes. homil. 20.*

сматриваетъ брачную жизнь, какъ великую тайну, неизмѣримо возвышающую ее надъ простой плотской связью и отличаетъ отъ нея. Св. Амвросій Медiolанскій утверждаетъ, что не лишеніе лѣбетва полагаетъ начало браку, а брачное соглашеніе (*ractio conjugalis*)¹⁾. Бл. Августинъ пишетъ: „въ наппемъ (христіанскомъ) бракѣ болѣе имѣть силы святости, таинства, нежели плодородіе матери“²⁾. „Въ церкви предлагается не только союзъ брачный, но и таинство“³⁾. „Достоинство браковъ у всѣхъ народовъ состоитъ въ дѣлорожденіи и охраненіи чистоты, а у народа Божія—еще и въ святости таинства, по которой даже разлучающеся разводомъ нельзя сочетаться съ другимъ, пока мужъ живъ“⁴⁾. Бл. Августинъ такъ далѣкъ отъ мысли о какихъ-либо другихъ началахъ или основахъ брака, что въ своихъ твореніяхъ высказываетъ даже такую мысль: „вступивши не въ первый бракъ не совершилъ грѣха, а только утратилъ иѣкоторую мѣру таинства“⁵⁾. У маленіе таинства во второмъ бракѣ, конечно, усматривается въ томъ, что онъ уже не представляя собою поднаго образа духовнаго союза Христа съ церковью,—Единаго съ единою, а уподоблялся только по своей нерасторжимости, въ чемъ бл. Августинъ и полагаетъ „существо (*res*) таинства брака“⁶⁾. У Феодора Студита мы встрѣчаемъ слѣдующую замѣчательную молитву, которая читалась въ его время и теперь читается при возложеніи на брачующихся вѣнцовъ: „Ты, Господи, ииспосли руку Твою отъ святаго жилища Твоего и сочетай рабу Твою и раба Твоего и сопрязи я въ единомудріи, вѣнчай я въ плоть едину, яже благоволилъ еси сочетаватися другъ другу, честный ихъ бракъ покажи, нескверное ихъ ложе соблюди, непорочное ихъ сожительство пребывать благоволи“⁷⁾. Фотій говоритъ: что „бракъ состоить не въ совокупленіи тѣлесномъ, но въ священодѣйствіи молитвъ“⁸⁾.

¹⁾ *S. Ambros.* De Institut. virg. c. 6.

²⁾ *Augustin.* De bono сајugal. c. 18, n. 26. Ст. с. 24, n. 32.

³⁾ Ibid De Genes. ad litt. IX, c. 7. Cf. de pec. orig. XXXIV, n. 39 XXXVII, n. 42.

⁴⁾ Ibid. De bono conjugal. c. 24.

⁵⁾ Ibid. c. 21.

⁶⁾ Ibid. De nupt. et concupisc. Lib. 1, c. 20.

⁷⁾ *Fheodor. Stud.* Epist. 22 ad Simeon.

⁸⁾ *Phot.* Nomocan. Fit. 13.

Нельзя не обратить вниманіе и на слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто въ первохристіанскія времена. Въ первые вѣка христіанства лица, вступавшія въ бракъ, въ день бракосочетанія обыкновенно пріобщались св. Таинъ, удостоивались молитвъ всей церкви, благословлялись епископомъ къ совмѣстному союзитю и благочестивому рожденію дѣтей. Въ эти дни они украшались вѣнками изъ благовонныхъ травъ и цветовъ, какъ „побѣдители страсти“ и какъ будущіе родоначальники „сѣмени святаго“, сѣмени Божія на землѣ. Семь дней новобрачные ходили въ вѣнкахъ, продолжая посещать богослуженіе и удостоиваться молитвъ церкви. Только по прошествіи семи дней, доказавъ, что бракъ ихъ есть „бракъ о Господѣ, а не по страсти“, они разрѣшились отъ вѣнцовъ и начинали семейную жизнь. И у нацъ на Руси обычай проводить брачный день и слѣдующіе за нимъ въ состояніи, чуждомъ плотскихъ вожделѣній, былъ не безъизвѣстенъ¹⁾.

¹⁾ И. Т. Порошковъ. Завѣщаніе сыну. „Егда, сыне мой, сватаніе твоє пріидеть къ брачному совершенію, то... приведи свою обручницу ко святой церкви, къ літургії; при всемъ народѣ начни вѣничатися, то никакая болѣнь не коснетъ ти ся. Всякая бо порча прикасается тѣлу, кой человѣкъ будетъ вѣничатися тайнымъ образомъ, или въ поуказанное время.. или съ преизлишнимъ желаніемъ блуда. А кто идетъ по церковному уставу.. того человѣка ангель Господень охраняетъ и никакому злу ко- снутися его не допустить“. Послѣ вѣничанія „соверша обѣдъ не ускори ити въ чертогъ свой, да не оскверниши того дня, попеже то день святъ ти есть, за еже духъ Святый ниашель есть на вѣсъ, и аще не проже- нешъ, во весь день имать на вѣсъ почити. И того ради ты, сынъ мой, весь день той пребуди въ благодареніи и въ хвалѣ Божіей, а не въ по- хоти плотстей... і пѣсней скверныхъ не пощупи воспѣти.... По прямой же правдѣ подобаетъ всякому христіанину до трехъ дней воздержатися. О семъ бо ангель Господень ясно Тобій изъявилъ.. И по тому Рафаилову слову аще что учинить, тотъ и самъ будетъ здравъ и дѣти будутъ ро- дитися здравы“... (Гл. 2, стр. 20—23. Изд. 1893 г.). Ср. А. Мазовъ. Тайная исповѣдь. Духовникъ спрашивается своего духовнаго сына: „не бѣ ли праздничного или постнаго паденія?“ (111, 157, 168, 184). Р. И. Б. 6,865: „аще человѣкъ женился въ мясоѣдѣ, а въ великое гоѣніе не чисто почнетъ жить, дати ли ему дары?—Не дати на годъ, доцдѣже исполнится милостище и постомъ“. Ср. С. И. Смирновъ. Древнерусскій духовникъ. Очеркъ. Стр. 92—сл. С. Пос. 1899 г.

V.

Не иначе смотрить на бракъ церковь и въ настоящее время. Не иначе опредѣляютъ сущность брака и ученые богословы настоящаго времени, эти вѣрные истолкователи ся величій. Мы остановимъ вниманіе читателей на самомъ новѣйшемъ богословскомъ трудѣ. Вотъ разсужденія автора этого труда по вопросу о бракѣ.

Въ различное время на бракъ смотрѣли различно. Одни полагали цѣль брака главнымъ образомъ въ рожденіи дѣтей. Правда, сотворивъ мужа и жену, Господь благословилъ ихъ чадородіе (Быт. 1, 28). Но если чадородіе должно называть цѣллю брака, то во всякомъ случаѣ не первою, а второю. Если бы дѣти были первою и главною цѣллю брака, то во всякой семье безплодіе было бы однимъ изъ постоянныхъ непреложныхъ оснований для развода, такъ какъ въ данномъ случаѣ не достигалась бы цѣль брака.

Другіе полагали цѣль брака въ взаимной помощи супруговъ (*mutuum adjutorium*). И въ Св. Писаніи жена называется „помощницей человѣка“ (Быт. 2, 18). Такой взглядъ на бракъ очень распространенъ въ настоящее время въ простомъ народѣ. Здѣсь часто женятся главнымъ образомъ для того, чтобы иметь хозяйку и работницу въ домѣ. Но и это не главная цѣль брака. Въ самомъ дѣлѣ, если только эту цѣль должны непремѣнно преслѣдовать брачующіеся, то ея можно было бы скорѣе и легче достигнуть совершенно другимъ путемъ,—путемъ дружбы, союза, товарищества. Такихъ союзовъ мы можемъ встрѣтить немало везде и всюду. Если бы главною цѣллю брака должна быть исключительно взаимопомощь, то бракъ подлежалъ бы расторженію, если бы онъ этой цѣли не достигалъ. А сколько такихъ случаевъ бываетъ въ семейной жизни, когда безнадежно или даже только болѣеть супругъ или супруга.

Нѣкоторые утверждаютъ, что бракъ долженъ преслѣдовать отрицательную цѣль—противодѣйствіе распутству. И Апостоль говоритъ: „блудодѣянія ради кайждо свою жену да имать, и кайждо своего мужа да имать“ (1 Кор. 7, 2). „Аще не удержатся, да посагаютъ: лучше бо есть женитися, нежели разжизнatisя“ (—7, 9). Правда, бракъ предостерегаетъ человѣка отъ зазорной порочной жизни, но и это не главная цѣль

брака. Бракъ установленъ до грѣхопаденія, а развѣ можно говорить о какой-либо зазорной жизни людей въ ихъ невинномъ состояніи? Слѣдовательно, какая - то другая идея была заложена въ основу брака, чѣмъ о какой говорять пѣ-которые. Эта первоначальная идея, конечно, нисколько не измѣнилась съ грѣхопаденіемъ первыхъ людей.

Въ чёмъ же тогда первая и самая главная цѣль брака? Бракъ имѣеть свою цѣль въ самомъ себѣ. Первая и послѣдняя цѣль—полная и безпредѣльная преданность супруговъ другъ другу, полное общеніе ихъ во всемъ: и въ трудѣ, и въ перепесеніи скорбей и радостей, потому что „не добро быти человѣку единому“, — говорить Богъ. И слово Божіе, и преданіе, и народная вѣковая мудрость это общеніе представляютъ столь широкимъ и тѣснымъ, что мужъ и жена какъ бы превращаются въ одного человѣка, составляютъ одно лицо, одинъ организмъ¹⁾. „Только какъ такое общеніе бракъ является нравственно-нормальнымъ отношеніемъ и соотвѣтствуетъ нравственному достоинству и свободѣ человѣческой личности. Если личности различнаго пола вступаютъ въ общеніе только на основаніи одного физического полового влечения, если только одна физическая потребность производить ихъ взаимную привлекательность, то такое отношеніе не соотвѣтствуетъ нравственному достоинству и свободѣ личности. Такое отношеніе касается какъ бы только одной части лица. Но лицо есть недѣлимая единица, нераздѣльное цѣлое. При нравственно-здравомъ, нормальномъ состояніи человѣческой природы, одно тѣлесное общеніе не можетъ быть обособлено отъ другихъ сторонъ жизни человѣка. Тѣло въ жизни есть только необходимый органъ для проявленія всѣхъ ея сторонъ и осуществленія всѣхъ ея задачъ. Поэтому кто жертвуетъ своимъ тѣломъ другому, толькъ нормально и надлежащимъ образомъ дѣлаетъ это только въ такомъ случаѣ, и подъ тѣмъ условіемъ, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вступаетъ съ другимъ въ цѣлое общеніе всей жизни. По Гегелю²⁾ тѣлесное общеніе въ бракѣ есть прямо только слѣдствіе нравственно установленнаго союза“³⁾. Вотъ

¹⁾ М. Макарій. Догмат. Богословіе. Т. 5, стр. 10—11. Ср. Проф. М. Олесницкій. Изъ системы христіянскаго правоученія. Стр. 422—423. Кіевъ 1896.

²⁾ Encycl. § 519. Cf. Bothe. Theolog. Ethik. § 318, Aufl. 2.

³⁾ И. Страховъ. Цит. соч. Стр. 71—72.

почему внутренно умершая семья, которая искусственно сохраняется въ цѣлости, переживаетъ танталовы муки. „Люди еще молодые, годные къ труду, къ пользѣ, къ добру, становятся лѣнивыми, бесполезными, злыми. Общество теряетъ сотрудниковъ, церковь—вѣрующихъ, человѣчество—добрая сердца. Никто ничего не приобрѣтаетъ въ этой мучительной борьбѣ, въ этомъ самоистребленіи, даже колыбель, къ изголовью которой склоняются не радостныя, лаской взаренныя лица, а блѣдныя, измученные борьбой, искаженные судорогой изстушенной любви, неправости и упорства“¹⁾.

Указанными чертами бракъ существенно отличается отъ того, что мы наблюдаемъ въ мірѣ животныхъ и что можно также назвать бракомъ, если смотрѣть на бракъ такъ, какъ смотрятъ на него иѣкоторые. „И въ царствѣ животныхъ дѣйствуетъ противоположность половъ. Но, во-первыхъ, здѣсь не достаетъ идеальной красоты, преображающей человѣческую любовь. Во-вторыхъ, въ царствѣ людей половое влече-
ніе подчинено господству воли,—воля можетъ обуздывать его и даже совсѣмъ подавлять, если того требуютъ другіе интересы,—въ царствѣ же животныхъ половое влеченіе дѣйствуетъ съ не преодолимою силой. Затѣмъ—въ царствѣ людей половая противоположность не только служить удовлетворенію половаго влеченія и умноженію рода, но и вступасть въ служеніе *высшей*, нравственной цѣли жизни. Содѣнившіяся на основаніи половой противоположности два лица создаютъ общій очагъ, все дѣллятъ между собою, совмѣстно несутъ труды и страданія, воспитываютъ дѣтей, чѣмъ долѣ живутъ вмѣстѣ, тѣмъ глубже и искреннѣе сживаются, чувствуя себя неразрывно связанными и тогда, когда чувственno эгоистическая сторона ихъ отношений увядаетъ“²⁾.

Отсюда ясно намѣчаются и взаимныя обязанности супруговъ. „Назначеніе вступившихъ въ бракъ состоять въ томъ, чтобы свято соблюдать заключенный союзъ, взаимно содѣйствовать нравственному преуспѣянію и дѣлить тягости жизни и затѣмъ воспитывать дѣтей, если Богъ благословить ими“. Супруги должны составлять какъ бы одного человѣка, одушевленнаго одними думами, чувствами и занятіями. „Су-

¹⁾ N. N. Дѣти при возможн. разводѣ. Нов. Врем. № 8511, 1899 г.

²⁾ Проф. М. Олесницкій. Цит. соч. Стр. 420—421.

пруги должны принимать живое взаимное участіе въ занятіяхъ своихъ... Мужъ и жена должны дѣлить всѣ скорби, какъ и всѣ радости свои... Такъ какъ сочетавшіеся бракомъ суть грѣховные люди, со многими недостатками и слабостями, то дальнѣйшая обязанность супруговъ есть взаимное *терпѣніе и смиреніе* къ недостаткамъ и слабостямъ своимъ и взаимная забота о возможномъ устраненіи недостатковъ, въ особенности пороковъ. Кто истинно любить другое лицо, тотъ непремѣнно будетъ стараться о нравственномъ усовершенствованіи его. А прежде всего каждое супружеское лицо должно заботиться объ устрашеніи своихъ недостатковъ, особенно тѣхъ, которые непріятны другому супружескому лицу. И какое безчисленное множество благопріятныхъ случаевъ пайдется у супруговъ для взаимного благотворнаго вліянія¹⁾. Поэтому женихъ и невѣста, собирающіеся сочетаться брачнымъ союзомъ на всю жизнь, не страсти должны искать другъ въ другѣ, но того,—говорить одинъ высокообразованный святитель,— „что могло бы служить прочнымъ основаніемъ будущаго счастья въ продолженіе всей настоящей жизни, и залогомъ блаженства въ жизни будущей; ищите, какъ сами въ себѣ, такъ и другъ въ другѣ, тѣхъ добрыхъ свойствъ душевыхъ, безъ которыхъ не можете быть истинно счастливыми“²⁾. „Доброе сердце, кротость, невинность, скромность, ревность къ соблюдению заповѣдей Божіихъ, ненарушимая взаимная любовь и вѣрность, крѣпкая любовь къ Богу и ближнимъ, смиренная преданность и живое упованіе на Него во всѣхъ обстоятельствахъ жизни,—вотъ условіе, и залогъ вашего истинного счастія, въ прохожденіи семейной жизни! Вотъ богатство, вотъ красота, вотъ преимущества, которыхъ прежде всего, вы, будущіе супруги, должны желать и искать въ себѣ и другъ въ другѣ! Только при этихъ условіяхъ другія блага могутъ истинно украшать ваше благосостояніе и умножать благословеніе Божіе на васъ и на питомцахъ вашихъ“³⁾.

Брачный путь не есть путь, усыпанный одними только розами; это не сказочный какой-либо золотой сонъ, который

¹⁾ Проф. М. Олесницкій. Цит. соч. Стр. 435—436.

²⁾ Епископъ Евсевій. Бесѣды о седьми спасительныхъ таинствахъ правосл. католической церкви. Стр. 477. СПБ. 1849 г.

³⁾ Тамъ же. Стр. 472.

такъ чаруетъ насъ; это не волшебное царство, въ которомъ не существуетъ ни бѣдъ, ни несчастій, ни недостатковъ, ни болѣзней, ни воздыханій, это не вѣчнaya розовая мечта или греза. На этомъ пути часто встречаются очень колючие шипы. Сказочный волшебный сонъ нерѣдко смыняется горькою дѣйствительностью. Мечта и грэзы—часами глубокаго разочарованія. Гдѣ искать тутъ человѣку спасенія? Куда укрыться отъ житейской невзгоды, которая, разражаясь надъ человѣкомъ, преслѣдуется, гонить, не щадить его, хотя бы онъ проливалъ горькія слезы мольбы о пощадѣ или быть даже близокъ не только къ разводу, но и къ самоубійству. Спасеніе въ эти минуты человѣкъ, конечно, найдетъ не въ страсти, а въ терпѣніи. Замѣчательны въ данномъ случаѣ слѣдующія строки того же высокопросвѣщенаго архипастыря.

„Сколько не будете стараться по взаимной любви угождать другъ другу; но не можете поручиться за то, что никогда ничѣмъ не оскорбите другъ друга, или что одинъ въ другомъ ничего не будетъ видѣть непріятнаго для себя. Это невозможно: на землѣ между смертными пѣтъ такого полнаго и неизмѣннаго совершенства, которое бы само собою могло быть источникомъ ненарушимаго мира, согласія и довольства. Поэтому и необходимо намъ имѣть терпѣніе и снисходительность другъ къ другу, какъ врачевство противъ всѣхъ случаевъ къ несогласію и ослабленію взаимной любви. Терпѣніе заповѣдано самимъ Господомъ: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши*. И въ семейныхъ вашихъ отношеніяхъ нужно тоже терпѣніе, по заповѣди Господа. Встрѣчаешь ли ты, мужъ, какое-нибудь непріятнѣе тебѣ свойство въ женѣ, съ которой однажды навсегда ты соединился узами брака: покрой непріятное терпѣніемъ. Видишь ли поступокъ, или слышишь слово, которое не по сердцу тебѣ: опять употреби въ помощь терпѣніе, и суди о женѣ снисходительно, какъ о немощнѣйшемъ сосудѣ. Умѣй врачевать раны благоразуміемъ и любовью, какъ глава союза, и никогда не будь нетерпѣливъ и неснисходителенъ. Тоже дѣлай и ты, жена, по отношенію къ твоему мужу, всегда помня, что Богъ поставилъ его главою твоимъ, и ты должна быть ему покорна. Такъ въ терпѣніи другъ друга тяготы носите“ ¹⁾).

¹⁾ Тамъ же. Стр. 497—498. Ср. Н. Страховъ. Цит. соч. Стр. 65.

VI.

Не иначе смотрять на сущность брака и инославные богословы и писатели. Приведемъ хотя пѣсколоцкіе строки изъ ихъ сочиненій о бракѣ. Не страсти лежать въ основѣ брака и семьи, и по ихъ мнѣнію. „Утверждающіе это очевидно, желаютъ поставить законъ илоти или членовъ на мѣсто закона духа. Многохвальна истина въ страсти весьма часто здѣсь есть лишь простое безстыдство, которое не краснѣеть предъ закономъ нравственности. Плотская похотливость, очевидно, отрицаеть здѣсь то, что бракъ есть учрежденіе, стоящее выше отдѣльныхъ личностей, что личности даютъ обязательство не только другъ предъ другомъ, но предъ высшимъ авторитетомъ, именно Богомъ, что цѣль брака не есть исключительно то, что выставляется именно здѣсь; что личности должны быть счастливы и взаимно пріятны другъ другу, но что кромѣ того отнюдь не послѣднею цѣлью этого учрежденія является то, чтобы личности чрезъ посредство брака были воспитываемы ко взаимному возрастанію въ добродѣтеляхъ, вслѣдствіе чего христіанство также говорить о крестѣ, который Богъ положилъ на это состояніе жизни”¹⁾. „Мужъ и жена,—говорить тотъ же западный епископъ,—не должны смотрѣть на бракъ съ точки зрѣнія счастья, удовольствія или наслажденія, но смотрѣть на него, какъ на призваніе, священныя обязанности котораго они должны исполнять. Мужъ, по установленію Божию, долженъ быть главой жены (Быт. 3, 16; Ефес. 5, 23; I Кор. 13, 3), а также и всего семейства, о содержаніи котораго онъ заботится, занимая въ то же время опредѣленное положеніе въ национальной и гражданской общинѣ, въ которой онъ находить сферу своей дѣятельности. А жена должна быть правящимъ центромъ домохозяйства, и хотя, вступая въ брачное состояніе, она отнюдь не обязывается устраниться отъ всѣхъ другихъ общественныхъ или дружественныхъ интересовъ, тѣмъ не менѣе сама природа указываетъ ей сферу дѣятельности въ собственномъ домѣ. Она именно должна смотрѣть за удобствами дома своего мужа и своихъ дѣтей. Когда поэтому мы требуемъ отъ женщины домовитости, бережливости, порядочности и изящества, то такими

¹⁾ Мартенсенъ. Цит. соч. Стр. 414.

качествами отнюдь нельзя пренебрегать, какъ незначительными, низкими и прозаическими, а напротивъ—они составляютъ непремѣнное условіе той поэзіи жизни, которая должна процвѣтать у домашняго очага. Мудрый царь израильскій не пренебрегаетъ этими качествами въ своемъ описаніи женщины, цѣна которой выше рубисовъ (Притч. 31, 10)¹⁾.

Въ обычномъ представлениі брачной жизни любовь супруговъ бываетъ самой напряженной только въ первые дни ихъ совмѣстной жизни. Затѣмъ она съ каждымъ новымъ днемъ становится все менѣе и менѣе напряженной, наконецъ почти совершило погасеть вмѣстѣ съ угасаніемъ страстей. А любовь, которую полагаетъ въ основу жизни супруговъ Мартенсенъ, „имѣеть своимъ назначеніемъ возрастаніе и развитіе ея“. Почтенный авторъ немало говоритъ и объ условіяхъ, способствующихъ и препятствующихъ развитію этого сложнаго, высокаго, святого и чистаго чувства. „Возрастаніе ея можетъ также затрудняться и пресѣкаться, когда любовь слишкомъ эгоистична, когда любящіе желаютъ принадлежать другъ другу слишкомъ исключительно и односторонне, когда одинъ не можетъ сносить того, чтобы другой въ какомъ-либо смыслѣ существовать для другихъ цѣлей, или для личностей также, но считаетъ всякое свободное движеніе, всякой интересъ, проявляемый къ другимъ личностямъ или другимъ дѣламъ, ущербомъ и оскорблениемъ для себя самого. Это извращенное стремленіе къ единичному обладанію развивается въ страсть ревности, болѣзнь, питаемую призраками, простымъ ничто (какъ въ примѣрѣ Отелло), въ такую страсть, въ которой человѣкъ подвергаетъ себя скорби, даже причиняетъ себѣ самому самыя тяжелыя мученія“²⁾. „Чтобы любовь могла достигнуть должной себѣ зрѣлости, брачная чета все должна дѣлить другъ съ другомъ. Но требование, чтобы мужъ и жена дѣлили между собою радости и скорби жизни, жили вмѣстѣ и одинъ для другого, и такимъ образомъ взаимно содѣйствовали развитію своей личности, есть невозможное, пока они не находятся въ такомъ состояніи, чтобы раздѣлять также и интересы одинъ другъ“.

¹⁾ Мартенсенъ. Цит. соч. Стр. 463. Cf. Stein. Die Frau auf dem Gebiete der Nationalökonomie. 1895.

²⁾ Мартенсенъ Стр. 464.

гого“¹⁾. Все въ теченіе ихъ жизни должно вести ихъ къ ближайшему и тѣспѣйшему союзу. „Среди этой жизни во взаимныхъ интересахъ и для нихъ, среди постояннаго обмѣна идей, среди радостей и скорбей и всего разнообразія обязанностей, ежедневно предъявляемыхъ жизнью, среди постояннаго вращенія въ одной и той же орбите, которая, разсматриваемая совиѣ, можетъ носить на себѣ отпечатокъ монотонности, но всегда должна быть новою совнутри, среди общихъ испытаний и общаго участія въ болѣе поглощающихъ событияхъ, среди все болѣе возрастающей интимности, въ которой ихъ сердца, ихъ добрыя качества, ихъ недостатки все болѣе открываются другъ для друга,—среди всего этого оба они должны, такъ сказать, сростаться между собою, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна возрастать, очищаться и созрѣвать и самая любовь. Въ этомъ гармоническомъ союзити и во все болѣе возрастающей любви и состоитъ счастье брачной жизни“²⁾.

И по возрѣтию Мартенсена, бракъ не представляетъ собою какого то блаженства непрерывнаго, какого то постояннаго сладостнаго мистического погруженія въ страсти и служенія имъ. Бракъ—крестъ, терпѣніе и иногда великое — вотъ единственный путь къ счастію въ бракѣ. „Ни одинъ бракъ не есть чистая гармонія и счастіе. Опытъ показываетъ, что этотъ рай въ то же время есть и школа, изобилующая серьезной дисциплиной и испытаніями. Изъ опыта известно, что разумѣется въ брачномъ священнодѣйствіи подъ „крестомъ“, который возлагается на это состояніе, и подъ тѣмъ, что „человѣкъ долженъ быть хлѣбъ свой въ потѣ лица своего, что женщина должна рождать съ болѣзнями“, и что „ея воля“, отъ природы своеенравная и наклонная къ деспотизму, „должна подчиняться мужу“... Въ брачной жизни прежнія иллюзіи любви прекращаются, качества, которыхъ супруги приписывали одинъ другому, когда видѣли другъ друга въ розовомъ свѣтѣ, исчезаютъ, и съ другой стороны обнаруживаются многіе неподозрѣвавшиеся раньше недостатки, особенности и своеобразности, и вообще разныя недочеты“³⁾. Гдѣ искать

¹⁾ Тамъ же. Стр. 465.

²⁾ Тамъ же. Стр. 465—466.

³⁾ Тамъ же. Стр. 467—468.

помощи въ данномъ случаѣ брачной четѣ? Не въ страстяхъ ли? „Одна только вѣра дѣлаетъ (ихъ) способными нести этотъ крестъ, будемъ ли мы разумѣть подъ нимъ трудъ терпѣнія, которымъ они обязаны одинъ другому въ силу ихъ грѣха, или вѣнчаную долю, которую они должны спосить вмѣстѣ. Среди безмолвнаго возрастанія вѣры и святости, бракъ долженъ приближаться къ тому идеалу, который выставляеть Апостолъ, когда онъ видитъ въ общеніи мужа и жены образъ общенія между Христомъ и церковю—идеаль столь великий и возвышенный, что мы можемъ приближаться къ нему лишь постепенно, среди несовершенствъ и слабостей.... Евангеліе Христово непрестанно все болѣе и болѣе будетъ становиться тогда въ брачной семейной жизни тою „закваской“, которая невидимо и позамѣтно проникаетъ всѣ земныя и временныя отношенія. Оно также все болѣе и болѣе будетъ становиться „жемчужиной“, какъ это въ особенности будетъ обнаруживаться въ томъ обстоятельствѣ, что бракъ и семейство будутъ входить все въ болѣе тѣсную связь съ церковю и ея благодатными средствами, и въ дальнѣйшей жизни будетъ замѣчаться отголосокъ церковной жизни“¹⁾.

Не только у христіанскихъ пародовъ, но даже и у языческихъ мы встрѣчаемъ этотъ высокій и глубокій взглядъ на брачную жизнь, какъ на нравственный, святой союзъ, какъ на полное нравственное соединеніе и общеніе двухъ личностей, а не тѣль. Въ Зендъ-Авестѣ, древнѣйшей священной книгѣ Персовъ, мы находимъ такія слова жреца, обращенные имъ къ отцу невѣсты: „ты даешь ее для земли и для неба, какъ послушницу закона, благоразумной помощницей мужу, чтобы стать съ нимъ однимъ тѣломъ и одной душей“²⁾. По представленію Зендъ-Авесты, человѣкъ, какъ слуга добра начала, долженъ всю жизнь свою бороться со злымъ началомъ. Жизнь человѣка—это постоянная, упорная, трудная борьба добра со зломъ. Чтобы облегчить этотъ нелегкій трудъ борьбы со зломъ, болѣе обеспечить себѣ возможность одержанія побѣды надъ нимъ, человѣкъ долженъ быть вступать въ брачный союзъ. Отсюда само собой совершенно понятно, почему бракъ, основанный па одной чув-

¹⁾ Тамъ же. Стр. 470.

²⁾ *Hilse. Civil. und misch. Ehe. Berlin. 1869, s. 20.*

ственной стороны, па „порохъ“ и „страстяхъ“, у нихъ отвергался. У Индійцевъ, по закону Ману, бракъ, заключенный только по страсти, считался также низкимъ. По индійскому воззрѣнію, женщина—„половина мужчины, она лучшій другъ, цѣлая половина человѣка“¹⁾. Весьма высокое понятіе о бракѣ несомнѣнно было и у древнихъ Римлянъ. Римскіе юристы опредѣляютъ бракъ, какъ „союзъ мужа и жены, соединеніе цѣлой ихъ жизни, общеніе божескихъ и человѣческихъ правъ“²⁾. „Выходя за тебя за мужъ,—говорила Брутъ благородная Порція,—я дѣлаю это не для того, чтобы, подобно наложницѣ, быть около тебя на ложѣ и за столомъ, но для того, чтобы дѣлить добро и зло, которое можетъ съ тобою случиться“³⁾. Замѣчательнь въ этомъ отношеніи и одинъ миѳ Грековъ о происхожденіи любви. Было шѣкогда время,—рассказывается этотъ миѳ,—когда не различались люди въ половомъ отпоменіи, потому что тогда оба пола совмѣщались въ одномъ человѣкѣ. Люди съ такой организаціей въ одно время безумно рѣшились возстать противъ боговъ. Тогда Зевсъ, чтобы наказать непослушныхъ людей, каждое существо раздѣлилъ на двѣ половины. И съ тѣхъ порь раздѣленныя половины постоянно стремятся другъ къ другу, имѣютъ непреодолимое влеченіе снова соединиться и образовать одно нераздѣльное существо. Въ этомъ миѳѣ заложена глубокая, скажу болѣе, христіанская идея: бракъ не исчерпывается одною чувственно-матеріальной стороной, а представляетъ собою свободное общеніе двухъ личностей, до того глубокое, полное и всеобъемлющее, что онѣ представляются уже не какъ бы двумя раздѣльно существующими личностями, а единою личностю, единимъ организмомъ, единымъ тѣломъ.

Предъугадываю, что мои доводы могутъ назвать доводами теоретика, который приводить, можетъ быть, и убѣдительныя соображенія, по эти соображенія идутъ въ разрѣзъ съ дѣйствительной жизнью. Скажутъ, для чего намъ церковные авторитеты, когда моя душа, когда мое горячее сердце, бьюющееся въ моей груди, говорять мнѣ совершенно другое и влекутъ

¹⁾ Архим. Хрисанѳ. Религії древняго міра. Т. I, стр. 354 сл.

²⁾ Cicer. De offic. 1, 17.

³⁾ Plat. Cato min. 13. Brat. 13, 23.

меня на иной жизненный путь, диаметрально-противоположный начертываемому вами. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, дѣйствительно „страсті“ составляютъ основу и сущность семейной жизни? Можетъ быть, въ страстихъ заключается „зиждущее“ семы? Можетъ быть, въ нихъ все счастіе человѣка?

VII.

Однажды я читалъ чинъ исповѣди мирянъ по очень старинному требнику. Въ немъ мое вниманіе невольно остановили грѣхи противъ седьмой заповѣди, какіе совершали миряне въ то время. Здѣсь упоминался грѣхъ парушенія супружеской вѣрности, далѣе перечислялись такія формы этого грѣха, какія безъ толковника или книги не только понять, но и представить невозможно. Человѣкъ погружался въ такую бездну паденія, глубже которой уже нельзя и измыслить. Какъ будто бы въ это время духъ лукавый руководилъ человѣкомъ, а не самъ человѣкъ являлся творцомъ своихъ ужасныхъ и омерзительныхъ грѣховъ. Оказывается, что не только эти грѣхи возможны и мыслимы для семейныхъ людей, по и весьма часто въ дѣйствительности совершаются ими и даже, можетъ быть, они въ данномъ случаѣ не особенно много уступаютъ людямъ неженатымъ. Оказывается, что слово Спасителя о воззрѣніи на женщину „ко с же вожделѣти ей“ (Ме. 5, 28) имѣть непосредственное и жизненное отображеніе и къnimъ. Итакъ, бракъ не гарантія чистоты и цѣломудрія. Для всякаго человѣка, брачнаго и побрачнаго, всегда возможно паденіе, потому что одна и та же страсть не можетъ быть вѣчно юной и одинаково напряженной. Не отрицаютъ этого даже те, которые говорятъ о „порохѣ и страстихъ“. „Если я ухожу изъ семьи, — пишетъ В. Розановъ, — знайте, что я именно ухожу изъ семьи уже порочной, и съ надеждой и усилемъ на мѣстѣ ея соткать другую и именно непорочную семью“. На это слѣдуетъ обратить особое вниманіе тѣмъ, которые кладутъ въ основу семьи страсти и „порохъ“ различный. Вѣдь въ данномъ случаѣ зависить „быть или не быть“ ихъ брака, ихъ семейной жизни. „Физическая влеченія природы, взятые сами въ себѣ, дѣйствительно не могутъ всегда оста-

ваться неизмѣнными по отношенію къ одному и тому же предмету; какъ ихъ возникновеніе всегда зависитъ отъ возникновенія виѣшняго стимула, такъ и ихъ сила и продолжительность обусловливаются всегда только силою и продолжительностью этого стимула. Какъ скоро какой-нибудь предметъ теряетъ по отношенію къ нему силу возбуждающаго ихъ стимула, то они необходимо прекращаются по отношенію къ этому предмету, потому что безъ стимула сами собой они уже не могутъ поддерживаться и оживляться и могутъ быть возбуждаемы какимъ-либо новымъ стимуломъ, представляющимъся въ новомъ предметѣ. Даже если они и не перестаютъ сохраняться по отношенію къ какому-нибудь предмету, но имъ въ немъ только слабый стимуль, они всегда легко могутъ обратиться отъ этого предмета къ другому, какъ скоро въ послѣднемъ представится бы болѣе сильный стимуль. Такимъ образомъ, чувственнымъ влечениямъ природы по самому существу ихъ принадлежитъ характерное свойство всѣхъ страстей, имѣющихъ источникомъ своимъ физическую природу человѣка¹⁾. „Другія страсти склонны оставаться неизмѣнными какъ въ существѣ своеѣ, такъ и въ предметахъ, на которые онъ направлены. Такъ, гордый человѣкъ всегда и вездѣ гордъ; его гордость, получая себѣ удовлетвореніе, не ослабѣваетъ, а еще болѣе возрастаетъ и неизмѣнно направляется на себя самого, на превознесеніе своей личности. Скупой человѣкъ, приобрѣтая все болѣе и болѣе, только развиваетъ свою страсть, направленную неизмѣнно на одно и то же—на накопленіе богатства. Напротивъ, какъ бы ни былъ жаденъ человѣкъ, но съѣвшіи много, онъ чувствуетъ пресыщеніе и отвращеніе къ пищѣ; какъ бы онъ ни любилъ извѣстное блюдо, но злоупотребивши имъ, онъ стремится къ замѣни его другимъ. То же—и въ области страстной любви между лицами различного пола: какою бы пылкою страстью ни была преисполнена человѣкъ, но—„едва лишь утолить сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,—уже скучаетъ и томится“.. и---ищетъ нового предмета страсти. Самая страсть, быть можетъ, и неизмѣнна и остается въ немъ (какъ прирожденная страсть натуры), но въ отношеніи предметовъ своихъ она

¹⁾ Н. Страховъ. Цит. соч. Стр. 219—220.

крайне непостоянна. Не ясно ли, что она столь же эгоистична, какъ и всѣ вообще страсти? Ея непостоянство несомнѣстимо съ истинной любовью и можетъ быть объяснено только тѣмъ, что, вопреки видимой преданности другому, человѣкъ въ ней служить только себѣ самому и именемъ—низшимъ потребностямъ своей физической природы, переходящимъ и измѣнчивымъ по самому существу своему. На такой ли основѣ созидаются христіанскій бракъ? Это ли чистый источникъ, изъ котораго рождается непорочная семья?“¹⁾. Весьма замѣчательны въ данномъ случаѣ и слѣдующія строки о бракѣ г. Меньшикова. „Несчастны браки,—говорить онъ,—основанные на половой „любви“, на наслажденіѣ. Эта страсть, какъ и всякая страсть ненасытна. Какъ пьяница переходитъ отъ бутылки къ бутылкѣ, измѣняя каждої, какъ скупецъ вожделѣваетъ лишь тої горсти денегъ, которая не пріобрѣтена, такъ и любовникъ, отвѣдавъ одной связи—непремѣнно ищетъ другой, подобной же. Тѣ, кто говорить о *вѣрности* въ чувственной любви, не понимаestъ самой природы послѣдней: она по существу своему есть измѣна. Въ половой любви вѣдь любять не человѣка, а то раздраженіе, какое она возбуждаетъ, какъ и въ винѣ, въ золотѣ любять не ихъ самихъ, а свое вызванное ими состояніе. Предметъ страсти есть всегда средство, и разъ оно ненужно, теряетъ всякий интересъ. Половая любовь длится лишь до взаимного удовлетворенія, и затѣмъ „любимый“ человѣкъ превращается въ то-же, что пустой графинъ для пьяницы. Становится желаннымъ лишь новый, непочатый графинъ“²⁾. И какъ это глубоко справедливо. „Увы, мой другъ, говорить спокойно жена мужу.—Я вѣсѣ больше не люблю, я полюбила Валерія. Онъ моложе, сильнѣе, красивѣе васъ,— я хочу отъ него имѣть дѣтей.—А съ этими то дѣтьми какъ же? возражаетъ несчастный мужъ. — Съ этими—какъ вамъ угодно,—вы отецъ.—Но это низость, говорить мужъ.—Фу, какой вы отсталый! возражаетъ жена:—неужели вы ничего не слыхали о половомъ подборѣ? Законъ природы,

¹⁾ К. Сильченковъ. Цит. соч. Стр. 7—9.

²⁾ М. О. Меньшиковъ. Элементы Романа. (О супружествѣ). Стр. 166. Ж. Нед. 1898 г. №с. Янв. Ср. Л. Толстой. Воскресеніе. Стр. 65 слл.

другъ мой—не могу же я нарушать законъ природы! Есть ли что священѣе законовъ природы?...

— А законъ Христа...

— Фи,—опять вы съ архаической моралью....

Разговоръ кончается, конечно, тѣмъ, что передовая дама бѣжитъ къ своему Валерію, требуетъ у мужа развода („И, если ты благороденъ, то копечно, возьмешь вину на себя“, пишетъ она ему),—и затѣмъ... года черезъ три мужъ узаетъ, что жена уже въ объятіяхъ Аркадія,—затѣмъ идутъ Вольдемаръ, Юрій... Сорвавшаяся съ цѣпи супружества, дама совершаєтъ „половой подборъ“ съ такою посиѣшнностью, точно „великому закону“ Дарвина грозить отмѣна... Что такое любовь? восклицаютъ въ свою очередь мужчины: вѣдь это и есть голосъ Божій. Разъ я разлюбилъ свою жену и полюбилъ другую, я имѣю не только право, но и обязанность бросить жену, хотя бы и съ кучею прижитыхъ дѣтей. Полюбилъ—значить почувствовалъ голосъ Бога въ себѣ, который ведетъ меня къ другой женщинѣ. Разлюблю эту, приглянется третья—опять же это будетъ голосъ Божій, и я правствено буду обязанъ стѣдоваться ему. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Это, видите ли, вовсе не моя воля, и не мой выборъ: самъ Богъ меня соединяетъ съ новыми женщиными, и никто не смѣй вмѣшиваться въ это дѣло: „что Богъ сочталь, человѣкъ да не разлучаеть“¹⁾.

Если бы супружество основывалось на однихъ только страстиахъ, оно необходимо должно было бы существовать въ видѣ только случайныхъ, самыхъ измѣничивыхъ половыхъ связей. Брачный союзъ тогда долженъ бы разорваться и прекратиться въ теченіе жизни цѣлыхъ сотни разъ, чтобы начаться потомъ снова совершенно среди другихъ условій. И это нужно сказать не относительно одного только человѣка, а относительно почти всѣхъ. Если когда-либо семейная жизнь будетъ построена по этой теоріи, то мы увидимъ па землѣ настоящій хаосъ. Жизнь людей въ половомъ отношеніи тогда будетъ точною копіею жизни животныхъ, незнающихъ ни мужей, ни женъ. Правда, „отдѣльные въ жизни случаи подтверждаютъ, повидимому, мнѣніе г. Розанова и придаютъ ему иѣкоторый видъ правдоподобія.

¹⁾ М. О. Меньшиковъ. Цит. соч. Стр. 180—181.

Разумѣемъ тѣ случаи, когда страсть дѣйствительно какъ будто ложится въ основу семьи и притомъ такой семьи, которая кажется близкою къ идеалу по взаимной преданности супруговъ, неизмѣнной до конца ихъ вѣрности другъ другу, чистотѣ ихъ отношеній и т. д. Но не трудно видѣть, что и въ этихъ случаяхъ страсть не имѣеть вовсе приписываемаго ей значенія, что въ такихъ семьяхъ она играетъ роль только временнаго опьяненія, болѣзни и т. п., а не дѣйствительной основы. Бываетъ такъ, что у взаимно оцѣнившихъ и, слѣдовательно, разумпою любовью полюбившихъ другъ друга — любовь ихъ, постепенно возрастал, переходитъ въ страсть; возникаетъ счастливый семейный союзъ, и иной недальновидный наблюдатель готовъ видѣть въ немъ подтвержденіе благодѣтельнаго значенія страсти. Но страсть остается вѣрной себѣ: она сравнительно быстро уходитъ, и если семейное счастіе не разрушается, то ясно, что не страсть, вопреки видимости, лежала въ основѣ его, а именно то разумное чувство, которое предшествовало ей и осталось неизмѣннымъ, когда ся уже не стало, когда она исчезла, именно какъ временное опьяненіе или болѣзнь. Случается и наоборотъ,—что страсть предшествуетъ разумному чувству; страстное влеченіе сразу овладѣваетъ влюбленными,—когда же оно исчезаетъ, разумъ, вступая въ свои права, усматриваетъ дѣйствительныя основанія ко взаимной любви супруговъ, дѣйствительные достоинства ихъ,—и семья остается счастливою и благоденствующею. Не ясно ли, однако, вновь, что не страсть, а разумное чувство лежитъ въ основѣ такой семьи, что ему она обязана своимъ счастьемъ, элементъ же страсти былъ лишь случайнымъ и несущественнымъ? Не созидать свойственно страсти, а разрушать, и полагать въ основу брака страсть — значитъ не утверждать достоинство брака и его чистоту, а ниспровергать его”¹⁾.

Въ литературѣ мы уже имѣемъ описание подобныхъ прелестей семейной жизни при господствѣ и распространенности этой теоріи. Я когда то читалъ романъ Чернышевскаго „Что дѣлать“. Герой этого романа построяетъ свою

¹⁾ К. Сильченковъ. Цит. соч. Стр. 8—9. Ср. М. Манышаковъ. Цит. соч. стр. 166.

семейную жизнь на началахъ страсти. И что мы видимъ? Нѣсколько лѣтъ эти начала удерживаютъ его въ одномъ домѣ. Потомъ они мало по малу утрачиваютъ свою прежнюю напряженность, и мы видимъ героя, свивающимъ свое гнѣздо совершенно въ другомъ домѣ. Здѣсь повторяется также самая исторія, и чрезъ нѣсколько лѣтъ принципы влекутъ героя въ новый домъ, чтобы и здѣсь свить себѣ гнѣздо на самое непродолжительное время. Если герой останется вѣрнымъ этому принципу до конца дней своихъ, то несомнѣнно онъ до конца же дней своихъ будетъ переходить изъ дома въ домъ. Романъ Чернышевскаго кончается, кажется, мастерски написанной картиной той счастливой грядущей жизни, когда во всемъ обществѣ эти начала станутъ господствующими, когда не будетъ пытливыхъ ограниченій церковю брачныхъ отношеній, когда все будуть другъ для друга мужами и женами. Для людей, полагающихъ въ основу брака „страсти“, это—счастливое и блаженное время. А для людей, смотрящихъ на бракъ съ христіанской точки зрѣнія, это безобразнѣйший, гнуснѣйший хаосъ, въ кориѣ разрушающей святой и великой по своему значенію очагъ христіанской семьи.

Нѣть, не можетъ быть устойчивости въ бракѣ, покоющемся на такомъ принципѣ. Мужу придется фантазія прогнать жену на другой день послѣ брака и сказать ей, какъ говорить отпущенникъ своей женѣ у Ювенала: „ступай вонъ, ступай вонъ: ты часто сморкаешься, а я хочу жену, у которой бы носъ былъ сухъ“. Жена уходитъ и ищетъ другого и такъ счастлива, что скоро находится; но и этому пришла такая же фантазія, что и первому—она должна искать третьяго и т. д.; она переходитъ отъ одного къ другому по писходящей линіи, пока не изпосится до того, что уже ни одинъ горемыка не захочетъ прикрыть ея бѣдную голову,—и она должна будетъ дотягивать до могилы свое жалкое существованіе безъ привязанностей, одинокая, чуждая всему миру.

Вспоминается мнѣ и другой герой М. Волоховъ, ярко обрисованный нашимъ выдающимся писателемъ И. А. Гончаровымъ въ романѣ „Обрывъ“. Этотъ герой разсуждаетъ о бракѣ весьма любопытно. Христіанского взгляда на бракъ онъ, конечно, не признаетъ и въ защиту своего свободнаго

пониманія семейной жизни приводить слѣдующее основаніе. Оть говоритъ: „вы хотите безсрочного чувства? Да развѣ оно есть? Вы пересчитайте всѣхъ вашихъ голубей и голубокъ: вѣдь никто безсрочно не любить. Загляните въ ихъ гнѣзда—что тамъ? Сѣлаютъ свое дѣло, выведутъ дѣтей, а потомъ воротятъ носы въ разныя стороны. А только отъ тупоумія сидѣть вмѣстѣ. На время сошлись бы, а потомъ явится новое увлеченіе, уступить ему и такъ далѣе“¹⁾. Почти тоже самое говорить и другой герой, прекрасно обрисованный другимъ нашимъ писателемъ. На слова дамы, что извѣстная любовь продолжается всю жизнь, онъ отвѣчаетъ: „да вѣдь это только въ романахъ, а въ жизни никогда. Въ жизни это предпочтеніе одного предъ другимъ бываетъ на года, что очень рѣдко, чаще на мѣсяцы, а то на недѣли, на дни, на часы,—говорить онъ,—очевидно зная, что удивляетъ всѣхъ своимъ мнѣніемъ и довольный этимъ“²⁾.

На Западѣ во имя свободы страсти бракъ отрицали Ж. Зандъ, А. Дюма и др. Особено пасторально такія именно идеи не такъ давно пропагандировала извѣстная проповѣдница женской эмансипаціи—американка Викторія Будгель. Для пропаганды своихъ идей она путешествовала по всей Европѣ въ 1874 году. Основаніемъ семейной жизни она считала единственно только присутствіе естественнаго влече-
нія одного пола къ другому. А пѣкоторые, примыкая къ этому взгляду, идутъ еще далѣе, они открыто проповѣдуютъ проституцію, какъ самую нормальную форму отнoshеній между мужчиной и женщиной. „Нельзя считать паденіемъ,—говорятъ они,—если женщина предается съ полнѣшней свободой полому наслажденію съ любовью“. По ихъ взгляду, всякое дѣйствительное паденіе и есть именно настоящій

¹⁾ И Гончаровъ. Обрывъ. Т. 5, стр. 337.

²⁾ Встрѣчаемъ эти воззрѣнія мы и въ послѣднемъ новѣйшемъ произведеніи русской литературы, на которое обращено вниманіе всей Европы. О Новодворовѣ авторъ этого произведения пишетъ: „вопросъ объ отношеніи половъ казался ему, какъ и всѣ вопросы, очень простымъ и яснымъ и вполнѣ разрѣшеннымъ признаніемъ свободной любви. У него была одна жена фiktивная, другая настоящая, съ которой онъ разошелся, убѣдившись, что между ними пѣтъ истинной любви, и теперь намѣревался вступить въ новый свободный бракъ съ Грабецъ“. Л. Толстой. Воскресеніе. Т. 2, ч. 3, стр. 54. Ср. Крейц. сон. Стр. 11—12.

бракъ¹⁾). Всякое такъ называемое паденіе есть лишь не что иное, какъ удовлетвореніе естественныхъ влеченийъ сердца. Мы не имѣемъ права не признавать и не уважать этихъ влеченийъ, не имѣемъ права и подчинять свободы влечения сердца какимъ-либо ограничениямъ и какому-либо закону. Несомнѣнно ограничивать естественные природные влечения; незаконно ограждать законные движения сердца. Говорить: „человѣкъ не властенъ надъ своимъ сердцемъ“. Слѣдовательно, отношение одного пола къ другому не можетъ быть постояннымъ, неизмѣннымъ, слѣдовательно, оно не можетъ быть возведено въ разрядъ какихъ-либо обязанностей и устойчивыхъ правилъ. Если же отпорошенія одного пола къ другому не могутъ быть постоянными и тѣмъ болѣе—обязанностью, закономъ, то требование относительно брака, предъявляемая церковью и государствомъ, конечно, являются не чѣмъ инымъ, какъ только насилиемъ человѣческой природы. Они налагаются на него оковы и цѣпи, которыхъ онъ совершенно не заслужилъ. Поэтому человѣкъ, какъ свободное существо по духу и по тѣлу, долженъ отвергать всѣ эти церковные и гражданскія преграды. Полная свобода—вотъ его удѣль въ указанномъ направлении²⁾. „Материалисты до сихъ поръ не кривятъ душой; они прямо утверждаютъ, что никакой супружеской вѣрности не быть, что ее и не должно быть „въ интересахъ породы“. Подобнотому, какъ идеалисты ссылаются на Христа, материалисты на своего мессию—Дарвина. Какъ прежде указывали на міръ святыхъ, такъ теперь—на животный міръ. „Среди животныхъ не замѣчается института супружеской вѣрности“, собаки мнѣютъ своихъ жень,—слѣдовательно... Поведеніе собакъ, лягушекъ, насѣкомыхъ считается рѣшающимъ въ этомъ вопросѣ. Нѣкоторые добродушные ученые, которые бы хотѣли вѣрить въ Бога и въ старый поэтический бракъ,—пробуютъ возражать: „Позвольте! и среди животныхъ есть однодомные, единобрачные! Видь такой то... Семейство такое то... Стало быть... Наивные идеалисты,—опи крайне рады, что вопросъ о супружествѣ „среди животныхъ“ еще не ясенъ, и есть надежда, что законъ брака для людей будетъ взятъ и не отъ собакъ.

¹⁾ *Русский Вѣстникъ*. 1886 г. кн. Ноябрь. Ср. *H. Страховъ*. Цит. соч. стр. 218.

²⁾ *H. Страховъ*. Стр. 218—219.

Надежда, одпако, плохая. Въ „новомъ евангелії“, у Дарвина, ясно сказано, что кромъ борьбы за существование совершаются людей еще *половой подборъ*, который состоитъ въ томъ, что самые сильные самцы отбиваются самокъ у слабыхъ, а самки отдаются самымъ здоровымъ и красивымъ самцамъ. „Стало быть... съ грустью вздыхаетъ ученый идеалистъ,—„стало быть они правы... Моя Лиза права, сбѣжавъ къ своему Димитрю, бросивъ меня старика. Половой подборъ... Собаки... Кошки“¹⁾...

Конечно, этотъ новый законъ жизни объявляется закономъ жизни не одного какого-либо человѣка, не одного какого-либо общества, а закономъ всѣхъ людей. Вотъ и смотрите, къ какимъ грандіознымъ послѣствіямъ должна привести все человѣчество эта милая теорія „страстей“ и „пороха“. Впрочемъ, отчего же и не испытать этой новой счастливой жизни? Миръ, — миръ теперь уже сѣдовласый, еще не видать подобной, всеобщей чудной картины жизни своихъ обитателей и насельниковъ. Гдѣ же тогда будетъ бракъ, не говоримъ уже церковный, но и гражданскій? Гдѣ будетъ семейное счастіе? Что будетъ тогда съ дѣтьми, за которыхъ и по совѣсти, и по долгу, и по закону *должны* отвѣтить родители, какъ бы они не бѣжали отъ нихъ?

Не оправдываетъ эту теорію и современная дѣйствительная жизнь. Нельзя сказать, что въ настоящее время въ семье мало уѣглается вниманія страстиамъ. Можетъ быть, мнѣ въ данномъ случаѣ можно было бы сказать и гораздо больше. Я не буду развертывать страшицы газетъ, романовъ, поэзіи, отъ чтенія которыхъ иногда невольно содрогается человѣкъ: такъ много непривлекательнаго яркими красками они повѣствуютъ о семейной жизни. И однако, не смотря на это, какъ часто семья или совсѣмъ распадается на глазахъ у всѣхъ, или ведеть зазорную жизнь, сохраняя только вѣнчаное единство и миръ. Ужъ не мало подобныхъ семей у насъ теперь насчитываютъ, и число ихъ постепенно, почти съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе увеличивается. Говорить ли о множествѣ холостяковъ, которые живутъ по этой теоріи, и однако ни къ чему добруму не приходятъ? Ихъ такое множество, что трудно даже приблизительно опредѣ-

¹⁾ М. О. Меньшиковъ. Цит. соч. Стр. 179.

лить. Предоставимъ лучше слово одному писателю, который мастерски, художественно, жизненно правдиво, глубоко психологично раскрываетъ постепенное развитіе семейной драмы въ бракѣ, въ основу которого была положена одна только страсть, а не тѣ чувства, какія освящаетъ св. церковь.

Герой этой повѣсти, богатый человѣкъ, до брака вель весьма зазорную жизнь въ извѣстномъ отношеніи. Онъ не стѣснялся ни чѣмъ. Задумавъ жениться, онъ и въ бракѣ видѣть продолженіе этой жизни, продолженіе болѣе прекрасное и болѣе свободное. Какъ и слѣдовало ожидать, ихъ „блаженство“ было непродолжительнымъ. Скоро должны были начаться, и дѣйствительно начались, нестроенія въ этой еще только начинающей жить семье. „Кажется, на 3-й или 4-й день я застать ее скучно,—разказываетъ самъ мужъ,—стать спрашивать о чёмъ она грустить, стать обнимать ее, что по моему было все, что она могла желать, а она отвела мою руку и заплакала. О чёмъ? она не умѣла сказать,—но ей было грустно, тяжело. Я сталъ спрашивать, она что-то сказала, что ей грустно безъ матери. Мне показалось, что это неправда. Я сталъ уговаривать ее, промолчавъ о матери. Я не понялъ, что ей просто было тяжело, а мать была только отговоркой. Она тотчас же обидѣлась за то, что я умолчалъ о матери, какъ будто не повѣривъ ей. Она сказала, что видѣтъ, что я не люблю ее. Я упрекнулъ ее въ капризѣ, и вдругъ лицо ея измѣнилось совсѣмъ, вместо грусти выразилось раздраженіе, и она, самыми ядовитыми словами, пачала упрекать меня въ эгоизмѣ и жестокости. Я взглянуль на нее. Все лицо ея выражало полнѣшую холодность и враждебность, почти ненависть ко мнѣ. Помню, какъ я ужаснулся, увидавъ это. Какъ? что? думалъ я. Любовь—союзъ душъ, и вместо этого вотъ что! Да не можетъ быть? Это не она! Я попробовалъ было смягчить ее, но наткнулся на такую непреодолимую стѣну холодной, ядовитой враждебности, что не ускользъ и оглянуться, какъ раздраженіе захватило и меня, и мы наговорили другъ другу кучу непрѣятностей. Впечатлѣніе этой первойссоры было ужасно. Я называлъ это ссорой, но это была не ссора, а было только обнаруженіе той пропасти, которая въ дѣйствительности была между нами. Влюбленность истощилась, и мы остались другъ противъ друга въ нашемъ дѣйствительномъ отношеніи другъ къ другу, т. е. два совер-

шепно чуждые другъ другу эгоисты, желающіе получить себѣ какъ можно большиe удовольствія одинъ чрезъ другого.... Вторая ссора тѣмъ болѣе поразила меня, что она возникла по самому невозможному поводу. Но вотъ скоро наступила третья, четвертая ссора, и я понялъ, что это не случайность, и что это такъ должно быть, такъ и будетъ, и и ужаснулся тому, что предстоитъ мнѣ. Такъ началось съ первыхъ дней и продолжалось все время, и все увеличиваясь и ожесточаясь. Въ глубинѣ души я съ первыхъ же недѣль почувствовалъ, что я пропалъ, что вышло не то, чего я ожидалъ, что женитьба не только не счастье, но и нѣчто очень тяжелое, но я, какъ и всѣ не хотѣлъ признаться себѣ (я бы не признался себѣ и теперь, если бы не конецъ) и скрывалъ не только отъ другихъ, по и отъ себя.

Время шло. Отношения становились все враждебнѣе и враждебнѣе. И наконецъ дошло до того, что ужъ не разногласіе производило враждебность, но враждебность производила разногласіе: что бы она ни сказала, я уже впередь былъ несогласенъ, и точно также она. На 4-й годъ съ обѣихъ сторонъ рѣшено было какъ то само собой, что попять другъ друга, согласиться другъ съ другомъ мы не можемъ. Мы перестали уже пытаться договориться до конца. О самыхъ простыхъ вещахъ, въ особенности о дѣтяхъ, мы оставались неизмѣнно каждый при своемъ мнѣніи. Какъ я теперь вспоминаю, мнѣнія, которыя я отстаивалъ, были мнѣ вовсе не такъ дороги, чтобы я не могъ поступиться ими; но она была противнаго мнѣнія, и уступить,значило уступить ей. А этого я не могъ. Она тоже. Она считала себя всегда, вѣроятно, совершенно правой предо мной, а ужъ я, для себя, былъ всегда святъ предъ нею въ своихъ глазахъ. Вдвоемъ мы были почти обречены на молчаніе или на такие разговоры, которые, яувѣренъ, животныя могутъ вести между собою: „который часъ? пора спать. Какой нынче обѣдъ? Кудаѣхать? Что написано въ газетѣ? Послать за докторомъ. Горло болитъ у Маши“. Стоило на волосокъ выступить изъ этого, до невозможности съузившагося кружка разговоровъ, чтобы вспыхнуло раздраженіе. Выходили стычки и выраженія ненависти за кофе, скатерь, пролетку, за ходъ въ винтъ, все дѣла, которыя ни для того, ни для другого не могли имѣть никакой важности. Во мнѣ, по крайней мѣрѣ, не-

нависть къ ней часто кипѣла страшная! Я смотрѣль иногда, какъ она наливала чай, махала ногой или подносила ложку ко рту, шлюпала, втягивала въ себя жидкость—и не навидѣлъ ее именно за это, какъ за самый дурной поступокъ.... Жить такъ было ужасно, если бы мы понимали свое положеніе; но мы не понимали и не видали его. Она старалась забыться напряженными, всегда поспѣшными занятіями: хозяйствомъ, обстановкой, нарядами своими и дѣтей, ученьемъ, здоровьемъ дѣтей. У меня же было свое пьянство: пьянство, служба, карты, охота. Мы оба были постоянно заняты. Мы оба чувствовали, что чѣмъ больше мы заняты, тѣмъ злѣе мы можемъ быть другъ къ другу. „Тебѣ хорошо гримасничать“, думалъ я на нее, „а ты вотъ промучила меня сценами всю ночь, а у меня засѣданье“.—„И тебѣ хорошо“ не только думала, но и говорила она, „а я всю почъ не спала съ ребенкомъ“. Мы были два, непонимающихъ другъ друга колодника, связанныхъ одною цѣпью, отравляющіе жизнь другъ друга, и старающіеся не видать этого. Я еще не зналъ тогда, что 0,99 супружествъ живутъ въ такомъ же адѣ, какъ и я жилъ, и что это не можетъ быть иначе. Тогда я еще не знать этого ни про себя, ни про другихъ.

Ссоры между нами становились послѣднее время чѣмъ то страшнымъ, и были особенно поразительны. Все произошло оттого, что между нами была та страшная пучина, то страшное напряженіе взаимной ненависти другъ къ другу, при которой первого повода было достаточно для произведенія кризиса. Вотъ страшная развязка этой семейной драмы. Возвратившись однажды неожиданно домой, онъ засталъ свою жену за роялемъ съ музыкантами; они играли сонату. Ревность и злоба омрачила разсудокъ бѣднаго мужа. „Я бросился къ ней, разсказываетъ несчастный супругъ, все еще скрывая кинжалъ, чтобы онъ не помышдалъ мнѣ ударить ее въ бокъ подъ грудью. (Я выбралъ это мѣсто съ самаго начала). Въ эту минуту, какъ я бросился къ ней, онъ увидѣлъ, и чего я никакъ не ожидалъ отъ него, онъ схватилъ меня за руку и крикнулъ: „Опомнитесь, что вы?! Люди!“ Я вырвалъ руку, молча бросился къ нему. Его глаза встрѣтились съ моими. Онъ вдругъ поблѣдѣлъ, какъ полотно, до губъ, глаза его сверкнули какъ то особенно и, чего я то же никакъ не ожидалъ, онъ шмыгнулъ подъ

фортельяно въ дверь. Я бросился было за нимъ, но на лѣвой рукѣ моей повисла тяжесть. Эта была она. Я рванулся. Она еще тяжелѣе повисла и не выпускала. Я размахнулся изо всѣхъ силъ лѣвой рукой и локтемъ попалъ ей въ самое лицо. Она вскрикнула и выпустила мою руку. Она упала на кушетку и, схватившись за расшибленные мною глаза, смотрѣла на меня. Въ лицѣ ея былъ страхъ и ненависть ко мнѣ, къ врагу, какъ у крысы, когда поднимаютъ мышеловку, въ которую она попалась. Я по крайней мѣрѣ, ничего не видѣть въ ней кромѣ страха и ненависти ко мнѣ. Но я еще, можетъ быть, удержался бы и не сдѣлать бы того, что я сдѣлалъ, если бы она молчала. Но она пачала вдругъ говорить и хватать меня рукой за руку съ книжаломъ. „Опомнись! что ты! что съ тобой? Ничего нѣтъ, ничего, ничего. Клянусь!“ Я бы еще помедлилъ, по эти послѣднія слова ея, по которымъ я заключилъ обратное, вызвали отвѣтъ. „Не лги, мерзавка“, завопилъ я и лѣвой рукой схватилъ ее за руку, но она вырывалась. Тогда я, все-таки не выпуская книжала, схватилъ ее лѣвой рукой за горло, опрокинулъ павничъ и сталъ душить. Какая жесткая шея была. Она схватилась обѣими руками за мои руки, отдирая ихъ отъ горла и я какъ будто этого-то и ждалъ, изо всѣхъ силъ ударилъ ее книжаломъ въ лѣвый бокъ ниже реберъ....“

Вотъ и выводъ изъ этой печальной исторіи. Мужъ, совершившій убийство своей жены говоритъ: „я настаиваю на томъ, что всѣ мужья, живущіе такъ, какъ я жилъ, должны или распутничать, или разойтись, или убить самихъ себя или своихъ женъ, какъ я это сдѣлалъ. Если съ кѣмъ этого не случилось, то это особенно рѣдкое исключеніе. Я вѣдь прежде, чѣмъ кончить, какъ я кончилъ, былъ иѣсколько разъ на краю самоубійства, а она тоже отравлялась“¹⁾.

У того же автора въ романѣ „Анна Каренина“ мы встрѣчаемъ еще едва ли не болѣе блестящее раскрытие этой идеи. Здѣсь нѣть такихъ грубыхъ, рѣзкихъ, потрясающихъ сценъ, какъ мы видимъ въ „Крейцеровой сонатѣ“. Въ этомъ романѣ все написано колоритно, мягко, симпатично, пѣжными, ласкающими тонами. Каренина не хочетъ жить съ

¹⁾ Л. Толстой. Крейцерова соната. Стpp. 38—39, 40, 55—56, 57, 63—64.

мужемъ-чиновникомъ, человѣкомъ недалекимъ по уму, сомнительной честности, узкимъ, методичнымъ, сухимъ, какъ бы незнающимъ никакой ласки и сердчности. Красивая, умная, пылкая, пѣжная женщина не находила соответствующаго отклика въ его душѣ. Измученная и истомленная своимъ одиночествомъ, она наконецъ оставляеть мужа, свой домъ, своихъ дорогихъ дѣтей, которыхъ горячо любила, и отдается Бронскому. Какой это былъ чудный человѣкъ и какъ онъ подходилъ къ ней. Красивый, молодой, талантливый, честный, сердечный, готовый всего себя отдать любимой женщинѣ, быть ея лучшимъ и вѣчнымъ другомъ. Казалось, трудно было еще найти людей, которые бы такъ подходили одинъ къ другому, которые бы такъ гармонически сочетались одинъ съ другимъ, которые бы такъ блестяще дополняли другъ друга. Любовь, соединившая ихъ, казалось, должна была наполнить всю ихъ жизнь восторгомъ, непрерывнымъ блаженствомъ, глубокимъ смысломъ и содержаниемъ. Отъ нихъ, казалось, будуть далеки не только горе и страданія, но и даже самые легкіе, незначительные призраки ихъ. И действительно, первое время ихъ совместной жизни по тому обоядному счастію, какое они испытывали, напоминаетъ скорѣе какой-либо золотой сонъ, чѣмъ действительность, часто такъ неприглядную. Припомните особенно ихъ пребываніе въ Италии. Здѣсь и мѣръ, и внешняя обстановка гармонировала съ ихъ настроениемъ. Но вотъ мало по малу среди этой чудной обстановки падь счастливой четой стали проноситься небольшія облачка, стали какъ то невольно и притомъ совершенно неожиданно проноситься предъ ихъ сознаніемъ вспоминанія о Россіи, о томъ, что тамъ ими оставлено... Сначала эти мысли мимолетно возникали и быстро куда то уносились, какъ уносятся по небу легкое облачко или скрывается изъ глазъ парусъ въ морѣ. Это была какъ бы какая капризная игра съ пими вспоминаній. Но потомъ тревожныя думы о брошенныхъ дѣтяхъ, оставленномъ мужѣ стали все чаще и чаще повторяться. Потеряла всю прелесть и обстановка, которая еще такъ недавно наполняла ихъ души такими восторгами. Вскорѣ мы видимъ молодую чету, уже перебирающуюся въ другое чудное мѣсто Западной Европы. Новизна обстановки на время увлекаетъ и успокаиваетъ ихъ. Опять начинается беззаботная,

счастливая, полная радостей жизнь. Забыто все, но на не-продолжительное время. Скоро прежние призраки начинают выплывать откуда то снова и наполнять душу невеселыми думами. И эта обстановка скоро до того наскучивает имъ, что они рѣшаются перебраться въ другое мѣсто. Въ простотѣ сердца они думаютъ, что ихъ неудачи есть не что иное, какъ тоска по родинѣ. Поэтому молодая чета собирается вернуться въ Россію. Составляютъ чудный планъ. Они хотятъ поселиться въ деревнѣ, чтобы отдать себя на служеніе русскому народу. Прѣѣхали, поселились въ деревнѣ. Оба трудились и старались быть полезными другимъ въ томъ или другомъ отношеніи. Ихъ жизнь потекла мирно и покойно. Опять забыто все прошлое, какъ будто бы никогда съ ними и ничего особенного не случалось. Но вотъ прежние призраки снова начинаютъ проходить предъ ними. Начинается снова какая то постоянная внутренняя тревога, недающая человѣку нигдѣ покоя. Наконецъ она становится настолько невыносимой, что Анна Каренина бросается подъ поѣздъ. Такъ несчастно кончается и эта связь, гдѣ страсти такъ замѣчательно гармонировали съ общимъ укладомъ жизни столь хорошихъ, повидимому, людей.

Прекрасный эпиграфъ писатель выбралъ для этого своего сочиненія: „Мнѣ отміненіе и Азъ воздамъ“. Эпіграфъ заимствованъ изъ Св. Писанія и имѣть весьма глубокій смыслъ. Въ душу каждого человѣка глубоко заложены вѣковѣчные законы Божественной правды. Ни одинъ человѣкъ не можетъ безнаказанно нарушать ихъ. Какъ бы мы не скрывали свой грѣхъ отъ себя и отъ людей, какими бы чарами не окружали его, сама природа, натура наша возстанетъ на насъ, обличить и накажетъ насъ. Законы духа, заложенные въ душу человѣка, стремятся отстранить отъ человѣка все, что несвойственно ему, что такъ или иначе нарушаетъ гармонію его жизни, которая должна быть Богоподобной. Какъ организмъ самъ собою, помимо нашего участія и иногда даже вопреки нашимъ стараніямъ, устраниетъ изъ себя все, ненужное и вредное для него, такъ и духовная природа человѣка сама устраниетъ все, ей несродное и чуждое. Человѣка въ данномъ случаѣ можно сравнить съ наковалней, которой свойственно не только принимать удары, но и отражать ихъ. Отражая эти удары, природа или преодолѣ-

ваетъ ихъ, давая человѣку силы возродиться, или уступаетъ теминымъ силамъ, и человѣкъ доходитъ еще до большаго паденія. Въ разсматриваемомъ романѣ мы видимъ, что герояня его Анна Каренина умираеть подъ поѣздомъ.

Нѣтъ нужды говоритьъ о томъ, какими невыразимыми страданіями наполнялась душа людей, усердно служившихъ страстямъ, и по свидѣтельству Золя въ его извѣстномъ романѣ *Fecondite*. Бѣдная женщина, жившая многіе годы весело и безпечно, на закатѣ дней своихъ готова все отдать, чтобы имѣть дорогихъ дѣтей. Но увы, для нея это теперь стало уже невозможнымъ, потому что она сама убила въ себѣ драгоцѣпный даръ дѣторожденія, вложенный въ ся природу. Бѣдный мужъ на склонѣ дней своихъ, понявшиій безцѣльность своего существованія, горячо оплакивасть свою прежнюю разгульную жизнь. Много бы онъ далъ тенерь, чтобы имѣть дѣтей!, но увы, и для него прошло это время золотое. Растративши свои силы непроизводительно, онъ долженъ печально доживать дни свои, зная, что послѣ него никого не останется, кто бы продолжилъ его родъ и помянулъ бы его добрымъ словомъ. Онъ сойдетъ въ могилу забытый всѣми.

Гдѣ же „зиждущее“ страсти?!

VIII.

Съ великою грустью и болью въ душѣ я читалъ строки о „страсти“, какъ основѣ семьи. Несомнѣнно намѣренія у автора добрая—защитить, поддержать падающую и разлагающуюся семью. Но авторъ не подозрѣваетъ, какую недобрую услугу оказываетъ семью, защищая ее такими доводами. Онъ не догадывается, что рубить подъ собой послѣдній сукъ, послѣ чего несомнѣнно послѣдуетъ паденіе, отнимаетъ у семьи то послѣднєе, доброе и святое, чѣмъ еще она держится въ настоящее время. Онъ средь „блѣла дня“ сознательно грабить семью, безжалостно разрушать ее, разбираетъ это сложное зданіе до послѣдняго камня. Не замѣчаетъ онъ, какъ своею подобною проповѣдью о бракѣ широко открываетъ двери тому ужасному произволу, о которомъ такъ краскорѣчivo самъ писалъ. Нѣтъ, не достигнуть семейнаго счастія, полагая „страсть“ въ основу семьи, и не сохранить брачнаго союза, освященнаго церковю, до гробо-

вой доски. Положить это начало въ основу семьи—значить нугубить семью. Если хотять заливь землю еще большею грязью, болѣшими, стонами, болѣшими кровавыми сценами, то пусть сдѣлаютъ это. Но проклятія изрекутъ тому человѣку всякия благородныя уста. Такое общество обречено смерти. Оно бросило вызовъ вѣчной силѣ и пистѣть въ ирахъ, не смотря на свои богатства, арміи, выставки, дворцы! ¹⁾ Истинный, здравый идеаль брака лежитъ далеко отъ той точки зрѣнія, какая выдвигается защитниками „страстей и пороха“. „Страсти и порохъ“ не требуются даже и для продолженія рода,—этой единственной цѣли, какую поставляютъ для брака проповѣдники ихъ. Замѣчательно въ этомъ случаѣ разсуждаетъ одинъ изъ нашихъ публицистовъ, г. Меньшиковъ. „Половая страсть, — пишетъ онъ, скорѣе омрачаетъ, нежели освящаетъ этотъ актъ (рожденія): именно она влечетъ къ излишествамъ и извращеніямъ и, становясь изъ средства цѣлью, заслоняетъ высокую цѣль брака. Влюбленные всего менѣе думаютъ о дѣяхъ и, слишкомъ занятые другъ другомъ, даже забываютъ иногда о нихъ, какъ Анна Каренина, увлеченная Вронскимъ. Постоянно слышишь — такая то пожилая дама бросила дѣтей и мужа и уѣхала къ любовнику. Такие то влюбленные, родивъ дитя, отдали его на воспитаніе. Такой то любовникъ отказался отъ плода своей любви. Такая то любовница не хочетъ имѣть дѣтей и пр. и пр. Ясно, что половая страсть не только не обеспечиваетъ судьбы рода, но разстраиваетъ его судьбу, иногда губить ее. Дѣти всего счастливѣе въ той семье, где отецъ и мать любятъ другъ друга чистою, дружескою любовью, но не влюблены одинъ въ другого. Половая влюбленность — по природѣ своей — исключаетъ другія привязанности, тогда какъ чистой любви всегда хватаетъ на всѣхъ, достанетъ ее у матери и на мужа, и на дѣтей. Если родители не влюблены — дѣти свободны отъ пошлыхъ сценъ ревности, отчаянія, дикаго восторга, бѣшенаго раздраженія и прочихъ аксессуаровъ плутской страсти. Дѣти съ колыбели созерцаютъ родителей спокойныхъ, ровныхъ, нѣжныхъ, дружныхъ, любящихъ безъ безумія, поддерживающихъ другъ друга съ неизмѣнной вѣрностью и преданностью. Созерца-

¹⁾ См. Зола. Fecondite.

ніє такихъ отношеній воспитывасть ребенка, населяетъ память примѣрами благородными,—тогда какъ быть свидѣтелями жизни влюбленныхъ родителей—вещь не только тягостная, но и развратающая,

Кромѣ физиологического сотрудничества, оба пола обречены служить другъ другу и психически. Мужчина и женщина—два крайніе предѣла, между которыми колеблется человѣческій типъ. Какъ маятникъ, уклонившійся въ сторону, неудержимо влечется обратно, такъ человѣческій типъ въ *мужчинѣ* тяготѣеть къ женственному его выраженію; въ *женщинѣ*—къ мужскому. Мужчинѣ и женщинѣ необходимы не только тѣла другъ друга, но и *особенные души* ихъ, и нравственное супружество есть соединеніе не только тѣлъ, но и душъ. Въ нравственномъ бракѣ является непостижимое взаимодѣйствіе, обмытье какихъ то важныхъ вліяній. Любящіе мужчина и женщина видятъ другъ другъ какъ бы воплощеніе мечты своей о *человѣкѣ*, какъ бы осуществившійся идеаль своей природы. Любовь невинная, я думаю, оттого такъ и плѣнительна, что она есть *видѣніе* волшебное: вы видите во-очію какъ бы духа жизни, выступившаго изъ тьмы, своего геша, обыкновенно невидимаго. Въ сумеркахъ иной разъ пятно на стѣнѣ вдругъ покажется человѣческимъ лицомъ, яркимъ, почти живымъ, а подойдете ближе и вы увидите простое пятно—такъ точно и влюбленный видѣть въ любимомъ не то, что онъ есть, а то, что создаетъ его воображеніе по иѣсколькимъ штрихамъ. Иллюзія и здѣсь разсѣивается отъ приближенія, но она тѣмъ дольше держится, чѣмъ болѣе любимый человѣкъ дѣйствительно приблизкается къ выразившій имъ иллюзіи. Вызываютъ эту иллюзію, напоминать собою иѣчто божественное, неизреченное, когда то видѣнное въ иныхъ мірахъ—задача духовнаго сотрудничества обонихъ половъ. Задача важная, столь же органическая, какъ и тѣлесное общеніе. Для людей же высокаго духа она единственно нужная. Посмотрите на супруговъ, живущихъ „душа въ душу“. Дѣйствительно, вѣдь ихъ души переплелись своими свойствами, срослись вмѣстѣ. Жена не спрашиваетъ своего мужа и уже знаетъ, что онъ думаетъ, даже не видя его лица, по какимъ то неуловимымъ признакамъ. Мужъ отлично чувствуетъ, чѣмъ волнуется жена. Начинаютъ говорить и постоянно сталкива-

ются па одной и той же мысли, па томъ же выражениі. Одному что-нибудь захочется, и другой хочетъ. Отъ долгаго сожительства такіе супруги дѣлаются нравственно какъ бы близнецами, изъ которыхъ одинъ совершино такъ же отвѣчаетъ па всѣ впечатлѣнія, какъ и другой. Устанавливается какъ бы общая душа—единство, до котораго никогда не достигаетъ животная, плотская „любовь“. Какъ бы не стремились люди къ сліянію тѣлъ, все же выйдетъ только прикосновеніе ихъ,—а души соединяются дѣйствительно въ нечто одно, почти пераздѣлимое. Вопреки древнимъ, я думаю, что дружба не исключаетъ брака. И мнѣ, кажется, даже при отсутствіи половой связи, возможно супружество: оно нужно, какъ неѣкій симбозъ,ничѣмъ пезамѣнное органическое сожительство душъ.

Бракъ есть тогда лишь нравственный союзъ, когда каждый видѣть въ своей человѣческой половинѣ нечто нравственно ему недостающе, нечто для себя идеальное. Только тогда, при совмѣстной жизни, супруги, какъ бы приростая корнями своего сердца другъ къ другу, пытаются изъ нихъ нужными для ихъ роста вліяніями. Вотъ это *нравственное сотрудничество*—первая изъ основныхъ цѣлей брака.“

Развивая мысль о „нравственномъ сотрудничествѣ“ супруговъ, авторъ даѣтъ утверждаетъ, что „идеаль отношеній мужчины и женщины—любовь братская. Когда Христа спросили, чьей женой будетъ въ Царствіи Небесномъ та, которая здѣсь по очереди была женой нѣсколькихъ братьевъ, Учителъ отвѣчалъ, что въ Царствіи Божіемъ не женятся, не выходятъ за мужъ, а живутъ, какъ ангелы. Если Царствіе Божіе есть тотъ укладъ жизни, къ которому нравственные люди должны стремиться, то ясно, что здѣсь, на землѣ, сегодня, сейчасъ мы должны осуществлять указанную чистоту отношеній, не откладывая въ будущее, котораго мы никогда не достигнемъ, если не будемъ достигать возможнаго совершенства *теперь*. Братъ и сестра—подсемѣняются надъ этимъ печистые люди — самый ясный, невинный, прелестный союзъ, какой возможенъ между людьми разнаго пола. Изъ этого идеала нельзя уступить ни юты. Хоть па мгновеніе допустить „немножко старости“, будетъ измѣной Богу. Добровольно, сознательно понизить идеаль—это именно та хула па Духа Святаго, грѣхъ которой не простится. Въ идеалѣ

полное, безусловное цѣломудріе—и это до такой степени утверждено тысячелѣтіями нравственного развитія людей, что страшно оспаривать основную истину. Но жизнь, вы скажете, отступаетъ отъ идеала, не всякой и не всегда можетъ „вмѣстить“. Пусть не вмѣщается, но всякой обязанъ помнить, что это невмѣщеніе—грѣхъ (?), что оно—слабость, что *истинное*—выше жизни. И нравственное супружество должно быть взаимной помошью въ достижениіи этой высоты, въ возможномъ ограничениіи иныхъ хотѣній, кромѣ Божественныхъ. Пусть, по слабости (?), будуть супруги, но пусть они стремятся быть братомъ и сестрой, и это стремленіе вдвое—одно изъ самыхъ прекрасныхъ усилий въ нравственномъ подвигѣ жизни“¹⁾....

Кто знакомъ съ исторіей христіанства, тотъ знаетъ, что этотъ идеалъ „братства“ въ супружескихъ отношеніяхъ не мечта, не бесплодная утопія, что онъ осуществленъ въ дѣятельности въ цѣломъ рядѣ возвышенныхъ образцовъ. И только въ памъ, возможномъ подражаніи этимъ образцамъ, заключается единственно правильное, истинно христіанскоѣ решеніе брачнаго вопроса, столь мучавшаго современное общество²⁾. Тогда только семейная жизньъ освободилась бы отъ тѣхъ ужасныхъ недуговъ, какими она отличается теперь: не было бы разводовъ, не было бы семейныхъ ужасныхъ драмъ, не было измѣнъ, не было сценъ безумной ревности, не было бы незаконныхъ дѣтей, не было бы худо воспитанныхъ дѣтей. Началась бы тогда ровная, спокойная, мирная, честная, трудовая, сердечная, святая, христіанская жизньъ, и рождались бы тогда въ такой семье здоровые дѣти, будущіе великие слуги человѣчества и посители вѣковѣчныхъ началъ жизни.

Л. II.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ М. О. Меньшиковъ. Цит. соч. Стр. 176. 171—175. и др.

²⁾ Л. Толстой. Крейцер. соната, Воскресеніе и др.